

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Максим МАКАРЕНКОВ

Кора КЛЕМЕНС

ДНИ СТУЖИ

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Максим Макаренков

Дни стужи

«Эксмо»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Макаренков М.

Дни стужи / М. Макаренков — «Эксмо», 2021 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-163546-6

Событие, навсегда изменившее мир. Он стал иным – очень странным, местами опасным и, вновь, неисследованным. Москва осталась столицей, но уже Республику Московия, торговый центр «Охотный ряд» пришлось залить бетоном и запечатать магическими печатями, а в ярославских лесах порубежники выкуривают гнёзда чёрных вдов. Отставной порубежник Стас Григорьевич, особо не помнит свою фамилию, её давно заменило прозвище – Хромой. Вместе со своим другом Иваном он выполняет заказы обеспеченных людей. Ведуны добывают полезные и опасные артефакты, а иногда внешне самые обычные вещи. Например, подарок для дочки богатого купца. Безобидный новогодний подарок, с которого всё и началось...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163546-6

© Макаренков М., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Максим Анатольевич Макаренков

Дни стужи

© Макаренков М., Клеменс К., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Каблучки

– Вот эту возьмете и уйдете, – крепкий желтоватый ноготь отчеркнул расплывчатое изображение стола, на котором стояли три полуразвалившиеся картонные коробки. Что в них лежало, разобрать на снимке было невозможно, какие-то серые прямоугольники. Тем не менее качество фотографий впечатляло. С такими карточками никаких карт и набросков местности не нужно, вся зона операции как на ладони. Вон и железнодорожная платформа видна отлично, а вот тропка до самого развала, так и не заросла она, ничего там не приживается, даже новая сорная трава – синеватая с узкими листьями, острыми, как хорошо наточенный нож.

«Где только купец такие картинки добыл? – размышлял Стас, глядя на чуть выцветшие, но довольно хорошо сохранившиеся снимки, разложенные приказчиком на верстаке. – Последние спутники лет сорок назад упали, мир снова сделался безграничным, опасным и таинственным. Пропади они, конечно, пропадом, эти тайны, но тут уж ничего не поделаешь».

А приказчик-то, гляди, как четко излагает. Видать, не раз репетировал.

Вздыхнув, Стас шагнул к верстаку, ткнул в снимок тростью.

– В коробках что?

– Сам не знаю, – приказчик покачал головой, всем своим видом показывая, что рад бы помочь, но не может.

– Значит, мы должны пройти по этой тропке, пересечь площадку длиной около двадцати метров, подойти к этому столу, забрать крайнюю справа коробку и уйти. Так? – вкрадчиво спросил Стас, поигрывая тростью.

– Ага, все правильно, – спокойно ответил приказчик, но на увесистый набалдашник трости, которым Стас похлопывал по раскрытой ладони, посмотрел немного нервно.

О трости этой ходило немало слухов: одни говорили, что внутри спрятан клинок из заговоренной стали еще того, старого, мира, другие шепотом рассказывали, что на ней заклятье, дающее Стасу власть над сумеречниками, третьи – что в ней сгусток жидкого огня. Точно же не знал никто. Зато хорошо известно было, что трость эту Хрому Стасу подарил сам Старшой – легендарный командир порубежников, отправляя своего лучшего взводного в отставку.

Пятнадцать лет Стас со своей командой носился по жутковатым чащам Лосинового острова, выжигал гнезда «черных вдов» в глуши Ярославских лесов, уцелел в трех самоубийственных рейдах на схроны некромантов. Отбивался от самой разной нечисти, давая время волхвам-вязальщикам разобраться в хитросплетении нитей, скрепляющих нечисть с сутью нашего мира, и нанести решающий удар. Рубился с людьми и нелюдью, умирал бунт чернобожев и просто гонял лиходеев, сидевших вдоль московского тракта в ожидании торговцев, отбившихся от каравана или рискнувших продвигаться небольшой компанией.

Заслужил он славу жестокого бойца и хладнокровного командира, берегущего своих, а потому, когда когтистая лапа непонятно откуда взявшегося овражника расплосовала взводному голень, то тащили его до базы бегом, молясь всем богам, чтобы не пришлось ногу отрезать. Обошлось – яд и грязь волхвам и травникам вытянуть удалось, но охромел он навсегда. Его звали в штаб, но Стас отказался, и тогда Старшой тяжело вздохнул, выматерился и положил на стол тяжелую черную трость – прощальный подарок отставнику.

Отставник дар принял с благодарностью и ушел на вольные хлеба, благо такого знатока сразу стали зазывать к себе в охрану и купцы, и банкиры. Даже два политика, говорят, помощников с приглашениями присылали. Вышло, правда, все иначе.

Была в жизни Хромого и парочка темных пятен, но что там к чему – точно никто не знал. Раз по большой пьянке попробовал что-то вякнуть Федюня Бронницкий, пузырил губки,

веща о хорош-шем знакомце в штабе, многозначительно водил толстым пальчиком, глядя в сторону тихо сидевшего в глубине трактира Стаса, да ничего толком сказать не успел, развезло. А наутро нашли Федюню в сугробе, синего и твердого, что твое полено.

Поскольку сам Стас Григорьевич к делам Верхнего и других миров отношения не имел, сиречь ведунум не был, то народ пару раз посмотрел в сторону его верного напарника, известного как Иван Николаевич. Откуда тот взялся да как они познакомились, никому вроде бы не было известно, но после отставки Стаса все дела они ворочали вместе. Иван Николаевич подозрительные взгляды встречал с невинностью престарелой монахини и лишь по-девичьи моргал густыми ресницами.

Видение синего негнувшегося Федюни некстати мелькнуло перед глазами приказчика, когда он смотрел на серебристую каплю наверху трости, методично опускающуюся на широкую смуглую ладонь, пересеченную старым шрамом. Но приказчик продолжал стоять на своем:

– Берете и уходите. А что в коробках – не знаю. Мое дело передать, сами понимаете, Стас Григорыч. Обязательное условие – уложиться до новогоднего вечера. То есть самое большее за три дня.

Сказал – и покосился на окно, за которым серые зимние сумерки стремительно превращались в глухую ночь. Поежился. Стас заметил, молвил ободряюще:

– Да не бойся, Акимыч, сейчас тебе Иван Николаич провожатого подвесит, дойдешь, как по Тверской.

Приказчик явно приободрился:

– Ну спасибо тебе, друг любезный! Место у вас, сам знаешь, глухое, как только тут живете.

– Хорошо живем, хорошо. Ты мне зубы-то не заговаривай. Купец твой сам понимает, чего от нас хочет? Это ж не просто дровишек из лесу притащить. Это же Старый Базар! Ты знаешь, сколько там народу легло? Который вот так вот сходить за барахлишком хотел? Да еще и срок ты нам ставишь – три дня! Да еще и под Новый год!

Приказчик тяжело вздохнул:

– Семьдесят монет.

– Что-о?! – раздалось из дальнего угла комнаты. Заскрежетал отодвигаемый стул, и Акимыч, выставив перед собой в успокаивающем жесте раскрытые ладони, испуганно попятился:

– Не шуми, не шуми, Иван Николаич, не заводишь! Мое дело вам цену назвать, сами знаете. Я человек подневольный!

– Поднево-ольный... – со значением протянул появившийся из скрытого тенями угла комнаты тот, кого называли Иваном Николаевичем. Был он на полголовы ниже рослого Стаса, но впечатление производил внушительное. Массивный, широкоплечий, с короткими, чуть кривоватыми ногами степного наездника, он двигался с обманчиво неторопливой ленивой грацией сытого хищника, да и в лице его было нечто, вызывающее в глубинной родовой памяти видения степных божков, о которых рассказывали испуганные караванщики, пересекавшие безлюдные пустоши казахских степей.

При этом Иван был светловолос, сероглаз, одет в самый что ни на есть европейский костюм хорошего кроя и походил скорее на представителя крупного торгового дома, чем на того, кем был на самом деле. А был он одним из лучших во всей Республике Московия волхов-вязальщиков.

– Хорошо ли вы себе представляете, что такое местность с особыми физическими условиями, в просторечии именуемая нехорошим местом? – спросил он тоном лектора, пытающегося добиться ответа от нерадивого студента.

Приказчик кивнул и произвел пальцами в воздухе некое движение.

– Значит, не представляете, – со злорадным удовлетворением констатировал Иван. – Действительно, зачем нам?! Живем-поживаем, беды не знаем. А что на развалинах строимся, мы же не любопытные, так? Привыкшие мы? – спрашивал он, приближаясь к приказчику.

Акимыч почувствовал себя неуютно и поежился.

– Ну хоть что такое Событие, вы знаете? – спросил ведун участливо, и Акимыч часто закивал. – Уже хорошо, – похлопал его по плечу Иван.

О Событии знали все. Около сотни лет назад то ли предки намудрили, то ли звезды так неудачно встали, но на Земле открылись проходы в другие пространства и оттуда полезла всякая живность. К тому же в некоторых из этих пространств существовало то, что люди называли магией, волшебством, волшбой, вуду – слов, именующих данное явление, много. Часть планеты смогла приспособиться к этой новой жизни, а часть словно повисла между двумя мирами, старым и новым. Вот такие места теперь и называли нехорошими, или особыми, и Акимыч это знал не хуже ведуна.

– Так что такое «нехорошее место»? – все тем же лекторским тоном осведомился Иван и устался на оробевшего приказчика с ласковым поощрением: мол, не стесняйся, школяр, излагай.

– Чудища там... или призраки... нечисть, в общем, – и Акимыч сделал знак, оберегающий от той самой нечисти.

– Грубо, но верно. Например, там обитают психофизические субстанции, содержащие фрагменты информационно-эмоциональных характеристик людей, попавших под влияние псевдоразумных, предположительно волновых, пакетов во время События. Образовавшиеся новые устойчивые объекты обладают возможностью взрывной активности на территории особых зон.

– Иван Николаевич, а по-простому бы?

– Да не знает никто толком, Акимыч, что там произошло, – развел руками Иван. – Но в результате получили мы злобных неприкаянных тварей. Например, пассажиров Потерянного Поезда. И купец твой хочет, чтобы мы пошли аккурат туда, где на этих самых тварей есть все шансы напороться. Вот ты сейчас знак сделал. Обереги при себе держишь. Велесу требы приносишь. И Казанскую Божью Матерь не забываешь, так?

Приказчик кивнул.

– Лет двести назад тебя бы засмеяли, посчитали бы суеверным неучем. А сегодня мы с тобой точно знаем: не оборонись ты знаком, по дороге к тебе вполне мог плакунец присосаться. А то и снежный двойник в сани уселся бы. И я вот тоже именно Велесу требы приношу и к нему обращаюсь. А Стас он воин, он Перунов человек. – Надо сказать, что на этих словах Иван весело посмотрел на друга... – Другие к Христу обращаются, тот их хранит. Уяснил?

Акимыч кивнул.

– Так сколько монет тебе купец выделил? – совершенно буднично спросил Иван.

– Сто двадцать, – честно глядя ему в глаза, ответил Акимыч.

– Значит, сто пятьдесят, – задумчиво произнес в пространство Станислав.

– Давай сто сорок, червонец твой, так и быть, – протянул руку Иван.

Приказчик со вздохом полез за пазуху и добыл оттуда тяжелый кошелек. Достал из него десять увесистых красноватых кружков с отекаленным святым Георгием, сунул их в карман и, снова душераздирающе вздохнув, затянул шнур на кошеле и вложил его в руку волхва.

– И еще ящик табака и мешок кофе. Только настоящего, а не цикория, который ты в лавке под видом заморской «арабики» толкаешь. Это уже после дела, под расчет, – отведя за спину руку с кошельком, добавил Иван.

– Грабите, да? – с тоской глядя на напарников, протянул Акимыч. Впрочем, настоящей слезы в голосе не было.

– Грабим, Акимыч, грабим, – подтвердил Стас и тут же утешил: – Так не тебя ведь, а хозяина твоего, купца первой гильдии Столярова Петра Фаддеевича, так что ты особо не убивайся. Да и ты свои десять монет с дела имеешь. Так что лети к купцу, голубь ты наш, и скажи, что бился до последнего, но супостаты тебя одолели и меньше чем за сто пятьдесят монет лезть туда, где Потерянный Поезд ходит, не согласились.

– А если Столяров меня к этому... Могамбе пошлет?

Стас только пожал плечами:

– Да ты уж ходил к нему. Нет, нубиец, конечно, человек серьезный, но цену он тебе заломил такую, что ты сглотнул и откланялся. А еще ты у Володи Сибиряка и Хасана Песчаника был, но они отказались. Так что не крути, Акимыч, да и деньги ты уже отдал.

– А-а! – махнул рукой приказчик. – Давай своего провожатого, ирод, да пойду я, пока совсем не запуржило.

– Не запуржит, не бойся, – уверил его Стас, глядя в окно, – луна светит что праздничный фонарь.

Акимыч зябко передернул плечами:

– Толку с того фонаря. Только тени чернее. А что там, в этих тенях, сам знаешь! И как вы тут только живете? – снова спросил он.

– Хорошо живем, Акимыч, ты не переживай – и воздух чистый, и соседи тихие да дружелюбные, – посмеиваясь, закружил вокруг приказчика Иван, водя вокруг его плеч и головы расслабленными пальцами, словно плел невидимую сеть. Отойдя на пару шагов, присмотрелся, удовлетворенно кивнул и принялся лепить невидимый снежок.

Акимыч заворуженно смотрел, как между пальцами ведуна пробились голубоватые лучики, как тот разжал ладони, выпуская в воздух текучую, переливающуюся каплю теплого небесного оттенка.

– Ну, вот тебе и провожатый, – сказал Иван, тихонько подталкивая каплю к приказчику. Лениво колыхнувшись, она поплыла по воздуху и зависла над левым плечом Акимыча.

– Пойдем, провожу я тебя да покурю заодно. – Зажав в зубах тонкую самокрутку, Стас накинуд на плечи тяжелый тулуп и направился к двери.

Прошли длинным темным коридором, где приказчик боязливо оглядывался и прислушивался, шарахаясь от неясных шорохов и шепотов, плавающих в прохладном сухом воздухе.

Наконец Стас потянул на себя тяжелую железную дверь и, оглянувшись на гостя, сделал приглашающий жест. Акимыч захрустел снегом, поднимаясь по ступенькам, снова боязливо огляделся и заспешил к саням, на передке которых сидел, дыша на руки, возница – напряженный и испуганный.

– Никак видел кого? – крикнул ему, улыбаясь, Стас.

– Не видел, да и хвала богам! – плюнул извозчик и, едва приказчик уселся в сани, ожег лошадь вожжами.

Стас лишь тихонько хмыкнул и прикурил.

Привалившись к дверному косяку, он с удовольствием вдыхал морозный, пахнувший свежей дыней воздух. Поднял голову, выпустил в непроглядно-черное высокое небо струю дыма, широко, до хруста потянулся, чувствуя, как покусывает щеки крепкий мороз. Чуть подрагивали острые белые точки звезд, тихо шептал, потрескивал, жил своей странной жизнью лес, подступивший к самым домам, и что-то мелькало меж стволов – легкое, невесомое, словно обрывок чьего-то заблудившегося сна.

Стас посмотрел по сторонам. Слева все так же слепо глядел провалами окон, давно лишившихся стекол, девятиэтажный дом, задолго до События обветшавший, близнец того, что напарники облюбовали для своего жилья и конторы. И дальше тянулся ряд таких же пустых, заброшенных людьми коробок, где зимой завывал ветер, катая по полам покинутых квартир комки истлевших бумаг и холодной пыли, да куда забредали изредка странные лесные суще-

ства, чтобы посидеть в разваливающихся креслах и посмотреть в мутные зеркала кое-где оставшихся платяных шкафов.

Мир стал таким, когда произошло Событие. Именно так, с заглавной буквы.

Что тогда творилось, можно было догадаться, посмотрев на соседний дом – закопченный, оплавленный, угол его стек, словно воск со свечи, намертво запечатав крайний подъезд, а из середины дома, на уровне седьмого этажа, торчал костяк какого-то крылатого чудовища, врезавшегося в здание во время События. Иван и Стас не раз до хрипоты спорили, что же это за тварь была, но к согласию так и не пришли.

Докурив, Стас аккуратно загасил окурочек в специально установленной возле двери большой металлической пепельнице и, зябко передернув плечами, отправился обратно.

* * *

– Слушай, Вань, а оно нам надо? – с сомнением протянул Стас, разглядывая разложенные на верстаке снимки. – Это же аккурат посередине дороги Потерянного Поезда.

Палец Хромого уперся в тонкую нитку железнодорожных путей, проходящих совсем рядом с местом их предстоящей операции.

– Ну, это, конечно, не яблоки у тети Зины таскать, но бывает и хуже. Просто еще одна гадость, оставленная нам милыми предками. В конце концов, не в туркестанские степи отправляемся. Опять же сто сорок монет, что, согласишься, существенно.

– Так-то оно так, да ведь Новый год на носу, вот что меня беспокоит. Знаешь ведь – самое лихое время, лучше без нужды не высовываться.

– И снова ты прав, друг мой, – кивнул Иван, – только что же ты молчал, когда Акимыч нам песни пел?

– Так ведь сто сорок монет! – развел руками Стас и улыбнулся. – И опять же Сибиряку с Песчаником нос утереть.

– Но три дня, – хмыкнул Иван, – придется напрягаться.

– Значит, нечего ласы точить, давай дело делать. – Хромой расчистил на верстаке место, сдвинув в сторону заготовки амулетов, костяную трубку с начатым хитрым узором и кучу прочей неопределенной мелочи. Неторопливо разложил оставленные приказчиком снимки, выровнял легкими касаниями, навис над получившейся картой, упершись ладонями в столешницу. Ведун он не был, тонкие миры не видел, но интуиция у Стаса была потрясающая. Такая, что Иван иногда думал: а не скрывает ли друг какие-то свои способности? Впрочем, слишком многое они прошли вместе, слишком часто от доверия зависела жизнь. Так что ведун просто смирился с тем, что в напарники ему достался воин с редкостным чутьем на всякие гадости. Такой он есть, и нечего богов гневить.

Иван, что-то бурча под нос, прошел к длинным книжным шкафам, что занимали дальнюю от входа стену огромной комнаты с низким потолком, служившей напарникам кабинетом, мастерской и время от времени столовой. Привычным движением достал с полки толстую тетрадь в кожаном переплете. Без такой тетради не обходился ни один уважающий себя вязальщик – в них заносились малейшие крупички знания о существах, появившихся в мире после События, о необычных местах, где удалось побывать самому, и о тех местах, о которых рассказывали удивительное. Сюда также записывались легенды, слухи, заклинания и системы медитации – словом, все, что могло однажды пригодиться и спасти если не жизнь, то душу, или суть, как называли вязальщики эту неопределенную субстанцию, позволяющую людям оставаться людьми.

– И кого мы там можем встретить? – не оборачиваясь, спросил Стас.

– Так, судя по всему, – листал плотные желтоватые страницы вязальщик, – Каблучки, Мальчишка-отличника и Портфель. Всего троих. Не худший вариант. Кстати, если верить тем

свидетельствам, что у меня имеются, никто не видел их там вместе. Только поодиночке. Еще один плюс.

– Поодиночке, говоришь, – Стас не отводил взгляда от снимков, – это, конечно, хорошо. Будем надеяться, что нам хватит везения на весь остаток года.

* * *

Вышли задолго до рассвета.

Заперев двери и запечатав их знаком, Стас опустил в карман полушубка массивный ключ, подергал дужку замка и неторопливо поднялся по ступеням к притопывающему на морозе Ивану. До ближайшего постоянного двора с теплой конюшней предстояло еще прошагать мимо пары одиноко стоящих высотных домов – пустых, заросших ломкой белой мороз-травой, вывернуть к древнему, выгнувшему спину над заброшенной железной дорогой мосту и идти вдоль него.

Напарники размеренно шагали посреди улицы, внимательно поглядывая на темные окна и подъезды, хотя опасности не ждали – места были хорошо знакомые, не раз ими чищенные, но привычка везде и всегда соблюдать осторожность давно стала неотъемлемой частью их натуры. Потому и дожили они до своих лет достаточно здоровыми телесно и в своем уме остались. Непроглядно-черное брюхо моста закрывало звезды, в глубине под опорами что-то шевелилось, попискивало, но, судя по ощущениям, угрозы не представляло – одна ночная живность ест другую, картина понятная и естественная.

Зажелтело впереди окошко постоянного двора, донесся запах свежего хлеба, всхрипнула чья-то лошадь – видимо, кто-то спешил, тоже встал до рассвета. Может, курьер, а может, купчик с вечера загулял да решил поутру проветриться.

Не заглядывая в дом, друзья прошли к длинному бетонному ангару, в котором размещалась платная конюшня. Сонный служитель, потирая кулаком глаза, провел их к отдельному ряду узких стойл, из которых несло тихое шипение.

Иван вывел сине-черного полоза, пахнущего сухим горячим песком, ласково потрепал по вытянутой морде. Тот сразу же извернулся и ткнулся носом в Стасово плечо, настойчиво шипя и пытаясь облизать его красным раздвоенным языком.

– Погоди ты, погоди же ты, Уголек.

– Разбалуешь. Испортишь скотинку, – тяжело вздохнул Иван, глядя, как друг роется в кармане полушубка, доставая завернутое в тряпицу засахаренное яблоко. – И ведь заранее прихватил. Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты его не кормил сладким, а?

– Да не гунди ты, Вань, – отмахнулся Хромой, умильно наблюдая, как Уголек хрумкает яблоко.

Перед воротами, из которых тянуло холодом, полоз замешкался, замотал головой, но все же позволил вывести себя на улицу и, вздохнув, побрел к стоявшим под навесом легким саням. Держать полоза и сани возле своего дома напарники считали нецелесообразным – уход, кормежка, еще одно теплое помещение... при мыслях об этой мороке они дружно махали рукой и предпочитали ежемесячно платить хозяину постоянного двора. Да и содержать неприхотливых выносливых полозов куда дешевле, чем лошадей, не говоря уже о неповоротливых колесных сооружениях, что по старинке называли автомобилями.

Иван тихонько чмокнул губами, тронул поводья, и Уголек сразу пошел своим странным скольльзящим аллюром. Стас заворуженно смотрел, как рептилия с неземной грацией выбрасывает вперед сначала задние, потом передние ноги, поводит из стороны в сторону вытянутой сплюснутой головой, стреляя ярко-красным языком.

Небо из черного делалось фиолетово-бархатным, побежала по краю апельсиновая полоса рассвета, чуть ниже проступило серо-стальное лезвие безоблачного зимнего утра, почти прозрачное, еще не налившееся холодной звенящей синевой.

– Приехали. – Иван спрыгнул в снег, повел Уголька к развалинам, оставшимся от древнего ангара неподалеку от заброшенной железнодорожной станции. Примотал поводья к торчащей арматуре и кивнул Стасу: – Давай. Глянь по сторонам и помоги запечатать. Не будем тянуть.

Хромой аккуратно выбрался из саней, придерживая под мышкой связку кольев, высотой ему по грудь. Развязал стягивавшую их бечевку и зашагал вокруг саней, глубоко втыкая колья в снег. Окружив сани с запряженным в них Угольком этим странным частоколом, пятясь, вышел из круга. Теперь дело было за Иваном. Ведун пошел посолонь, касаясь рукой верхушки каждого кола. В ответ на них загорались прозрачно-белые огоньки, а между кольями возникала прозрачная, чуть подрагивающая завеса.

Когда закончили, Стас подхватил объемистую сумку, повесил ее на плечо, и напарники двинулись к станции. Иван оглянулся – возле разрушенного ангара никого не было, и только подрагивал возле дальнего угла здания морозный воздух.

* * *

– Вроде чисто всё. Прямо как на снимках, что купец прислал, – прошептал Иван, приглядываясь к выходящей между сугробов тропке, выходящей на большую утоптанную площадку, заставленную старыми рассохшимися столами с наваленным на них барахлом. Рядом со столами тоже лежали кучи тряпья, коробок, потрепанных книг и прочего маловразумительного хлама, который составляет большую часть товара любой барахолки. Только перед здешними прилавками не было ни души. И ни единой снежинки не упало на потрескавшиеся доски. Здесь стояла вечная жара, от которой почва растрескалась и спеклась в камень.

Стас подумал, что все это напоминает какой-то безумный кусок янтаря, в который вместо насекомого поместили несколько сотен метров пространства, вырвав его из времени. С того момента здесь постоянно царило лето. Непонятно откуда лился неживой желтый свет, листья на деревьях, окружающих площадку, сохранили цвет, но казались вырезанными из бумаги, стволы потрескались, некоторые ветви так и остались поднятыми порывом ветра, улетевшим больше сотни лет назад.

И тишина.

Мертвенная напряженная тишина.

– Ладно, чего разлеживаться? Тропка вроде всегда безопасной была, ни Каблучков, ни Мальчика-отличника не видно, так что быстро проходим напрямую, вон до того стола, где швейная машинка лежит. Возле него сворачиваем и проходим краем, между рядами не идем, не нравятся мне вон те две выбоины.

Иван молча кивал. Стас, как всегда, выбирал наиболее безопасный и простой путь. Следовало просто идти за ним шаг в шаг и смотреть по сторонам.

Тропинка, ведущая к развалу, тоже была странной, чужеродной, вызывающей озноб. Довольно широкая – два человека спокойно разойдутся, чуть повернувшись, – она тоже была покрыта сухой теплой пылью, отчего громоздящиеся по бокам сугробы казались еще более нереальными. Кое-где снег нависал над тропинкой белыми языками, державшимися непонятно на чем. Ивану очень хотелось дотронуться до снега рукой, сбросить на землю, но он не решался. И никто из тех, кто здесь проходил, так и не решился, насколько он знал.

Стас уверенно дошел до конца дорожки – давно было известно, что она достаточно безопасна, – и остановился у покосившегося столба, с которого свисал до самой земли оборванный

провод в черной оплетке. Здесь уже чувствовался сухой жар, исходящий от почвы, льющийся сверху, ошупывающий неслышными волнами лица незваных гостей.

– Ну что, двинулись? – тихо спросил Стас не оборачиваясь и, не дожидаясь ответа, сделал первый осторожный шаг.

Исчезло время. Пространство сузилось, наполнилось сухим запахом мертвой земли и попавшего в ловушку тепла. Нестерпимо громкие звуки падали и вязли в томительной глухой тишине.

Иван шел позади, вполоборота к Стасу, контролируя происходящее по бокам и позади.

Шаг, другой.

Куча синевато-серого тряпья. Шевельнулась?

Нет, показалось.

Надвигается угол стола, окантованный полосой ржавого металла. Со стола свисает угол разодранной коробки, внутри навалены пожелтевшие ломкие брошюры, названий не разобрать.

Там, за куполом молчания, распахивается бесконечное зимнее небо, тянут к нему голые ветви перекрученные замерзшие деревья, вспыхивает под солнечными лучами пушистый белый снег. Здесь – годами недвижные тени и тишина.

– Стой, – тихо сказал Стас.

Иван замер раньше, чем услышал слова напарника, – почуял.

Опустившись на корточки, Хромой задумчиво посмотрел туда, где подрагивало над не приметным бугорком прозрачное марево.

– Видишь? Или мне мерещится? – показал он присевшему рядом Ивану.

– Нет, не мерещится. Дрожит воздух, дрожит, – напарник всмотрелся в марево: оно нравилось ему все меньше и меньше.

– А значит, мы туда не пойдем. А пойдем мы в обход с другой стороны, – и Стас двинулся вдоль первого ряда столов.

Предметы казались неестественно яркими и отчетливыми, взгляд примечал малейшую трещинку на столешнице, и она тут же разрасталась, заполняла собой пространство, старалась затянуть вглубь. Отвести взгляд – и то усилие требовалось.

– Теперь я быстро перебегаю к столу, хватаю чертову коробку, и мы очень спокойно возвращаемся, – сквозь зубы пробормотал Стас.

– Давай, пошел, – Иван легонько хлопнул друга по плечу.

Хромой несколькими большими шагами преодолел расстояние до нужного стола, плавным движением поднял коробку и застыл. Иван видел, как по шее Стаса медленно ползет капля пота, как окаменели его мышцы в ожидании возможного, ох какого возможного, удара. Это был едва ли не самый опасный момент внешне совершенно простой операции. Такие вот зачарованные места непредсказуемо реагировали на вмешательство. Все могло пройти успешно или пойти наперекосяк. Порой люди погибали, передвинув совершеннейшую безделицу с того места, где ей надлежало быть, а случалось – вывозили целые повозки ценнейших раритетов, однако зачарованное место не реагировало никак.

Вроде обошлось и сейчас. Стас, не оборачиваясь, шагнул назад, еще...

– Стас, слева, – очень спокойно и негромко сказал Иван.

Хромой застыл на месте, не поворачивая головы, скосил глаза влево. Там, среди окаменевшей травы, виднелась небольшая промоина, оставленная последним, прошедшим более ста лет назад, дождем. Сейчас из нее поднимался легкий беловатый дымок, и что-то чуть слышно булькало.

– Неприятный звук, – сглотнул Стас, – и что это может быть?

– Не знаю, – честно ответил Иван, – но двигаться будем быстро.

Дымок плотным белесым шнурком, чуть подрагивая, поднимался вверх, отчего создавалось мерзкое ощущение, будто какая-то безглазая тварь прислушивается к тому, что происходит в окружающем пространстве. Иван понял, что совершенно не хочет узнавать, что ее так интересует.

– Стас, ты только меня не прикрывай, а двигай тоже быстро-быстро, – чуть слышно предупредил он друга, не прекращая осторожно, быстрыми мелкими шажками продвигаться к выходу с выдернутой из времени барахолки.

– Не учи ученого, – буркнул в ответ Хромой и тоже зашагал быстрее.

Дымок вроде бы потянулся в их сторону, и Иван почувствовал, как моментально взмокла спина. Не простыть бы, пришла в голову шальная, вызвавшая нервный смешок мысль, но тропка была уже совсем близко, и Стас с расползающейся коробкой, аккуратно ставя ступни посередине пыльной дорожки, шагал туда, откуда веяло свежим, невероятно сладким зимним воздухом.

– От же ж, – выдохнул сквозь зубы Хромой, и Иван резко повернул голову, выпуская из поля зрения оставшийся позади слева дымок.

Неторопливо, словно прогуливаясь, со стороны платформы к ним шла молодая женщина. На вид ей было лет двадцать семь, а может быть, тридцать, высветленные волосы, уже начинающие темнеть у корней, обрамляли простенькое лицо, легкое летнее платье излишне плотно обтягивало намечающийся животик, на правом плече объемистая коричневая сумка. И отчего-то невыносимо громко цокали каблочки открытых летних туфель. Иван с болезненной отчетливостью видел облезший красный лак на ногте большого пальца, разбегающуюся от мыска туфли сеточку мелких черных трещин, видел, как лениво поднимается пыль, когда женщина делает очередной шаг... а потом Стас как-то оказался уже перед ней, ударил неуволимо, и светловолосая фигурка сложилась пополам, отлетела на несколько метров, пропахав в снегу глубокую борозду.

– Ваня, бегом! Выбирайся с полосы! – заорал Стас, и Иван со всех ног понесся вперед, ежесекундно оглядываясь туда, где продолжала меланхолично тянуться к небу нитка серого дыма. Он заметил, что, добравшись до высоты в два человеческих роста, дымная струя начинает изгибаться, словно площадь накрыта невидимым куполом.

Размышлять над тем, что это может значить, некогда. Убедившись, что непонятное явление не представляет опасности, ведун надал и, сделав несколько отчаянных прыжков, провалился почти по колено в снег.

Стас стоял на коленях, аккуратно опустив в сугроб коробку-заказ. Запустив обе руки в объемистую кожаную сумку, Хромой пытался что-то в ней нащупать, не отрывая взгляда от лежащей в снегу женской фигурки.

Снег вокруг нее вихрился маленькими злыми смерчами, они танцевали, кружились, закрывали лежащее тело в нелепом посреди белоснежного полотнища цветастом платье. По ушам ударил резкий металлический вой, и из снежной завесы вырвалось чудовище.

Длинные голубовато-прозрачные волосы развевались под порывами ветра, вились вокруг вытянутой черной морды, змеино-гибкое тело рассекло снежный покров и взмыло перед Стасом. Иван задохнулся от неожиданности.

Монстр на две с лишним головы возвышался над Стасом, распахнув длинные тонкие лапы, заканчивающиеся огромными, даже на вид кинжально острыми когтями, словно приглашая жертву в смертельные объятия.

Стас вытянул перед собой руки – в правой короткий кинжал с резной витой рукоятью, в левой – меч с широким лезвием. Скрестил руки на уровне груди, и в раззявленную пасть, готовую исторгнуть жуткий рев, из перекрестия меча и кинжала ударил луч голубого сияния. Чудовище опрокинулось в снег, и Стас тут же прыгнул вперед, занося над головой клинок...

Иван мягко опустил на пятки прямо в снег и закрыл глаза. Ими он увидел достаточно, поймал рисунок движения твари и мог вести ее теми внутренними чувствами, для которых не было названия.

В тонком мире нежить выглядела стустком коричневых лент, более плотных к центру и дымчатых, полупрозрачных по краям. Извивающихся, выстреливающих в окружающее желтоватое пространство, налитых густой, словно перестоявшая медовуха, прогорклой злобой.

Иван осторожно выпустил мысленный щуп, послал его вперед, незаметно провел между краями лент и сосредоточился на том, что ощутил...

Тем временем клинок Стаса погрузился в грудь чудовища, но оно будто не заметило холодной стали. Плохо... он надеялся, что хотя бы скует движения монстра. Скользкое черное туловище забилося в конвульсиях, и Стас отлетел в сторону. Отплевываясь, вскочил и едва успел отразить удар когтистой лапы. Чудовище отпрянуло и снова завизжало. В глазах у Стаса потемнело, искалеченная нога налилась ноющей болью, руки опустились. Хромой прошептал тайные, берегаемые в секрете слова заговора и выбросил перед собой кинжал. С лезвия сорвалась злая острая молния, опрокинула черную тушу в снег, подняв снежную бурю на месте падения.

Тишина. Но Стас знал, что это лишь передышка. Слишком короткая, чтобы набраться сил. Что же Ваня медлит? Хотелось поторопить друга, но Хромой знал: мешать вязальщику в момент поиска нельзя. И все же... быстрее бы. Стас чувствовал, что продержится еще минут пять, не больше. Налился теплом Перунов знак, и стало чуть легче. И на том спасибо, еще повоюем...

Иван же напрягал все свои чувства... Коричневое... Черное... Тускло-красное... Злоба... Холод... Черное... Грязно-коричневое... Мелькнул едва заметный проблеск зеленоватого света. Настолько мимолетный, что вязальщик едва его не упустил. Но тут же вернулся назад, начал кружить, всматривался, стараясь уловить ощущение, исходящее от зеленоватой точки.

Да, это оно.

Иван ударил вдоль своего щупа, он бил и раскачивал зеленоватый свет, посылая в него все подходящие образы, что накопил за годы жизни.

И свет отозвался, запульсировал, разросся, пожирая черную злобу и коричневую жажду убийства.

Пока не вспыхнул ослепительным смертельным изумрудом.

Некоторые вязальщики, расчувствовавшись после нескольких чарок, пускали слезу и рассказывали, что ощущали волну благодарности и умиротворения, исходящую от уничтоженной нежити. Иван никогда ничего подобного не испытывал.

Сейчас в него ударили отголоски удивления, ярости, неверия и бешеной жажды мести, убийства, уничтожения. Тварь хотела испепелить весь мир, ей не нужен был покой, она хотела...

Мелькнула размытая картинка черного шара, на поверхности которого копошились невыносимо мерзкие существа, когда-то бывшие людьми. Гнутые оплавленные башни с красными, словно упырины глаза, бойницами. Больной, хрипящий от боли и безнадежности мир, которым правит некто, запертый в башне. Все исчезло, и Иван услышал хруст снега.

Неловко облапив расползающуюся коробку, к нему тяжело шагал взмокший от усталости, но вроде бы целый Стас. До платформы шли молча.

Не было сил говорить, не было ощущения победы, радости от хорошо сделанной работы. Глубоко внутри засело чужое видение – никогда такого не доводилось ловить в Нижнем мире, а вот же...

Тяжело поднялись на платформу, двинулись к дальнему концу: не хотелось спрыгивать и шагать через занесенные снегом рельсы, пробираться под противоположной платформой, срезая путь к ангару, возле которого они оставили сани.

Электричка возникла из воздуха. Заслонила потертым зеленым боком всё вокруг, наполнила мир стылой тоской.

Напарники стояли совершенно неподвижно. Не было ни сил, ни желания что-то делать, сопротивляться... Такому сопротивляться невозможно.

С шипением открылись двери.

В тамбуре стоял потертый мужичок лет пятидесяти. Грязноватая куртка с закатанными рукавами, лицо покрыто красно-кирпичным загаром, какой появляется от долгого труда под открытым небом.

Мужик перекинул в угол рта зажатую в зубах сигарету, приглашающе кивнул:

– Чё стоите? Прыгайте, следующая только после перерыва будет.

Стас уже готов был сделать шаг к теплому, пропахшему табаком тамбуру, но Иван мягко придержал его за рукав и отрицательно покачал головой:

– Спасибо. Мы подождем.

– Ну, как знаете, – пожал плечами мужик и глубоко затынулся. Аж щеки запали. Двери закрылись, по ушам ударил резкий гудок, и электричка отошла от платформы.

* * *

Напарники шагали по Арбату. Вкусно хрустел снег, весело кричали торговцы сбитнем, пирогами и хлопучками, гремела шарманка мерзнущего лотерейщика.

Стас поудобнее перехватил коробку, которую он перетянул наконец прочной коричневой веревкой, и с любопытством покосился на фонари, заливавшие улицу неровным желтым светом:

– Слушай, а правду, значит, говорили, что городской голова камень светодельный купил.

– Представляю, во сколько он городской казне обошелся, – хмыкнул Иван.

Дойдя до середины Арбата, друзья свернули и углубились в переулки – тихие и уютные, благодаря хорошему освещению и крепкой охране, в складчину оплачиваемой купцами.

Особняк купца Столярова прятался за основательной оградой из железных прутьев, уютно подмигивал неярким теплым светом окон первого этажа.

На стук вышел из маленькой каменной будки верзила в тулупе с поднятым воротником, басом осведомился, кто такие.

Услышав ответ, сделался любезен и предупредителен, открыл калитку и склонился в вежливом поклоне.

У крыльца уже ждал, приплясывая на морозе, Акимыч.

– Принесли! Принесли родимые! Не зря я в вас верил! Вы проходите, я сейчас Петра Фаддеича приглашу, сейчас он спустится! Приказали вас в гостиную принимать!

Гостиная оказалась на удивление небольшой и уютной, без обязательных для купеческих домов горок с хрустальными и старинными тонкостенными бокалами. Дюжий купчина в синем сюртуке и расстегнутой до середины груди белой рубашке ворвался в гостиную. Крепко пожал друзьям руки и хищно навис над коробкой:

– Ага! Оно! И это оно! – торжествуя басил он, бережно перебирая толстыми пальцами выцветшие конверты, в которых покачивались большие черные кругляши. – Акимыч, а ну подключи мой ящик к электрической машинке! – скомандовал хозяин дома, доставая один из кругляшей.

Бережно придерживая его за тонкие боковины, он положил диск на верхнюю крышку какого-то аппарата, стоявшего на низеньком боковом столике, и опустил сверху изогнутый

рычаг. Раздалось тихое потрескивание, а потом странный, не то детский, не то женский голос запел:

– Облака-а, белогривые лоша-адки,
Облака-а, что вы мчитесь без оглядки!

Купец умильно смотрел на ящик, из которого доносилось пение, и задумчиво поглаживал густую бороду.

– Бабушка мне эту песенку пела. Рассказывала, что в доме у них такие вот штуки были, пластинки называются. Я и решил – расшибусь, а доченьке своей такой подарок на Новый год сделаю!

– П-подарок?! – не то всхлипнул, не то взрыкнул Стас и сделал шаг к купцу.

А тот, забыв обо всем, рылся в коробке, бормоча:

– А вот это... это я Маришеньке как раз на Новый год и заведу!

Иван с Акимычем осторожно выдавливали из дверей Хромого, задумчиво шипевшего что-то неразборчивое.

– Привезу, сам кофий вам и привезу. И табачок привезу, завтра же поутру! – увещевал приказчик Стаса. Иван лишь молча сопел, упершись пятерней в широкую грудь товарища.

* * *

– Вань, а все же как ты ее? Ведь на Каблучках несколько очень крепких вязальщиков выгорело. – Стас отхлебнул из высокой кружки, аккуратно поставил ее на стол и с интересом посмотрел на напарника.

Тот уже несколько минут гипнотизировал рюмку, полную прозрачно-голубоватой настойки. Наконец резко опрокинул содержимое рюмки в рот, глотнул, замер, прислушиваясь, длинно выдохнул.

Его отпускало.

Стас терпеливо ждал ответа.

– Понимаешь, чтобы нащупать ту точку, которую можно расшатать, развязать узел, скрепляющий все части любого существа воедино, надо очень четко представлять, что это может быть. А когда найдешь – знать, как использовать. Короче, с одной стороны, очень крепко верить, всей душой верить в то, что ты в этой твари нащупал, а с другой – очень жестоко и хладнокровно использовать. Вот такие высокие слова.

– И что ты в этой нежити нащупал?

– Любовь, Стас, – пожал плечами Иван, – она же была когда-то молодой женщиной. В сумке у нее – ты заметил? – лежала какая-то плюшевая игрушка, медвежонок вроде... Кого-то она да любила.

Иван нацедил очередную порцию из пузатого графинчика, поднял рюмку, покрутил, любясь бликами света, и залпом опрокинул.

Выдохнул, со значением потрясая указательным пальцем:

– Любовь, Стас. Как всегда, любовь.

Сидели долго и душевно. В какой-то момент за столом образовался Могамба со своими двумя племянниками, размером со шкаф каждый, ввалился с мороза Славик Ивешин и полез обниматься с криком: «Эк вам фартануло, за такое надо выпить!»

Откуда об их походе узнал Славик, даже спрашивать не стали, – он знал все и обо всех, а если не знал, то нес ахинею с таким уверенным видом, что все равно верили.

Потом кто-то из племянников Могамбы долго и нудно ссорился со Славиком и уже начинал привставать из-за стола. Иван бережно взял Славика, его шубу и трость. Посапывая, сунул

оплывающего Славика в шубу, сунул в руки трость и осторожным пинком направил в сторону выхода. Охрана привычно приняла его и вывела наружу.

Но Могамбов племянник все не унимался. Стас вопросительно посмотрел на Могамбу, тот лишь пожал плечами. Уставший Стас коротко ткнул племянника кулаком в лоб, и здоровяк уснул, привалившись к стенке. Увидев такое, решил воздвигнуться второй племянничек, но Стас укоризненно покачал головой, и тот тихо сел обратно.

– Устал я что-то от этого всего, – вальяжно произнес Иван, оглядывая зал, – скучно мне стало.

– А не навестить ли Стеклянного деда? – оживился Стас.

Друг молча хлопнул его по плечу, и они засобирались. Заказ «сладкого там всякого, чтоб хорошее; копчененькое, но чтоб не сильно; фруктов – сам сообрази, ладно, и попить... Да, шипучку какую-нибудь, чтоб ничего крепкого» официант принес стремительно и упаковал как надо, в крепкую плетеную корзину с крышкой.

На извозчике отправились к деду Харитону по прозвищу Стеклянный дед.

Китайгородские переулки были темны и пустынно. Древние, обветшавшие еще до События дома уснули до весны под огромными снежными шубами, и лишь кое-где великанские сугробы прорезали узкие тропинки, прокопанные редкими обитателями этих мест. Не хотел здесь селиться московский люд, не доверял обманчивой тишине, уж больно нехорошие вещи тут творились. Давно, правда, это было, но память города длинная. Казалось бы, уже поколение сменилось, а помнят горожане, что места эти темные, хотя и не помнят уже многие, почему.

К дому, где обитал дед Харитон, тропинка вела, но давно не чищенная, так что, не зная друзья, куда идти, точно бы промахнулись.

– Что это дед тропку забросил? – недовольно пробурчал Стас в спину Ивану.

Ходить по рыхлому снегу он не любил, хромота давала о себе знать сильнее, чем обычно, начинало похрустывать колено, и Стас становился желчным и раздражительным. Хотя Харитону он ничего не скажет. Незачем заставлять Стеклянного деда нервничать. Начнет суетиться, бросится за лопатой, будет бормотать, что все стеклянное кругом, заденешь – звенит, а вот потому и сидел в доме, а гостям-то как ходить, а ежели не чистить, то никак не ходить, но стеклянное снегом обсыдет, вот и видно будет, куда не ходить...

Когда дед становился таким, Стасу делалось очень неловко. И почему-то стыдно. Он-то помнил Харитона другим, еще не полусумасшедшим Стеклянным дедом, которому чудом удавалось держать свой разум на самом краешке безумия. Когда они познакомились, Стас еще не был Хромым, а про Харитона ходили легенды, и Старшой лично следил за очередностью его смен и перерабатывать не давал. Был Харитон лучшим из слухачей – умел поймать направленную мысль с такой точностью и ясностью, какая другим и не снилась. Только через него Старшой связывался с дальними постами и отрядами, отправленными с особыми поручениями. Только он дежурил или страховал других слухачей во время самых опасных дел, когда от любого случайно пойманного слова-образа зависела жизнь порубежников.

Словом, был Харитон оберегом московских порубежников, человеком важным и нужным, при этом оставался нормальным мужиком, скромничал, служил не за страх, и даже не за награды, а за совесть, потихоньку готовил себе смену да копил на домик в ближайших посадах.

Пока что-то его не выжгло. Что – точно никто не знал. Стас узнал о беде только вернувшись с патрулирования, а увидел Харитона в лазарете спустя несколько месяцев. И охнул.

Кряжистый неторопливый мужик, всегда казавшийся чуть задумчивым, на что многие и ловились, превратился в высохшего суетливого старичка с нездоровой зеленоватой кожей. Он непрерывно мелко семенил по коридорам лазарета и бормотал надтреснутым голосом:

– Стекло. Осторожно. Осторожно надо. Бьется. Колючее. Колючее стекло. Повсюду. Оно невидимое, но черное.

И все время стряхивал какой-то тряпочкой что-то невидимое с больничной пижамы. Сестры сказали, что Харитон стряхивает невидимые, но очень острые мелкие осколки. Если Харитон начинал говорить о черном стекле, значит, дело совсем плохо, придется его поить настоями.

Так и прилепилось к нему прозвище Стеклянный дед. Порубежники вздыхали, поначалу навещали Харитона часто, потом, как оно всегда и бывает, все реже и реже – закручивались дела, служба шла. И вот однажды Стас решил навестить Стеклянного деда и узнал, что в лазарете его нет. Не было его и в богадельне, где доживали свои дни безнадежно увечные и скорбные головой порубежники.

Оказалось, Харитон все же пришел в себя, насколько это было возможно, Старшой выхлопотал ему пенсию, да еще и в обход всех приказов и распоряжений выходное пособие, которого хватило на скромное жилье. Все думали, что Стеклянный дед уедет, как хотел, в посад, но он собрал невеликий свой скарб и поселился почему-то в заброшенном доме в китайгородских переулках. Деньги же положил в банк, откуда аккуратно снимал небольшую сумму каждый месяц и тратил ее на еду и редкие книги о старой Москве, которые выискивал повсюду.

Правда, частенько на него находило, и тогда он бродил потерянный меж домов и бормотал о стекле, которое надо обходить, о том, что очень страшно порезаться, и рассказывал о таких местах, что даже у Стаса и Ивана мурашки бегали.

В такое время он плохо понимал, кто он и где, тыкался в каждую подворотню, а если его задевали, плакал, что могут разбить, и жаловался, что его уже раскололи на кусочки и он ищет отлетевшие осколки.

Немногочисленные соседи знали, что Стеклянный дед – существо безобидное, обматывали ему руки мягкими тряпицами и отводили домой. Несколько раз, в самые морозы, Иван и Стас забирали его к себе домой, отогревали, откармливали и сидели ночами, слушая несвязные жутковатые рассказы.

Впрочем, иногда Харитон пропадал на несколько дней, а один раз исчез на три недели. Никто его не видел, друзья сбились с ног, а в один прекрасный день нашли его сидящим на лавочке у дома. Где его носило, дед так и не сказал, только блаженно щурился да хрумкал свежим яблочком.

– Ладно, пришли уже, – просопел Иван, перекладывая из руки в руку тяжелую корзину. – Смотри, следов нет, – Стас ткнул тростью в заметенные снегом ступени.

– И света нет, – Иван кивнул на темное окно первого этажа.

Рядом с окном торчала кривая загогулина печной трубы – печку деду соорудили порубежники, скинувшись на хорошего печника. Дрова же Харитон заказывал сам, всегда у одного и того же мужика из Мытиц. Топил бережливо, и в доме у него всегда было прохладно. Говорил – бодрит и думать легче.

Дымок из трубы тоже не шел.

С трудом открыли тяжелую перекошенную входную дверь. Стас передернул плечами от стылой темноты подъезда. Привычно поднялись по вытертым ступеням, и Иван бухнул затянутой в перчатку рукой в Харитонову дверь.

Тишина.

Ведун повернул ручку, толкнул дверь.

– Стас, открыто.

Случалось с дедом и такое.

– Давай глянем, все ли в порядке. Если нет его, корзину оставим, мясное – на ледник, остальное – на стол.

Жилище Харитона было холодным и темным. И веяло от него тоскливым неуютом. Словно хозяин ушел и не собирается уже вернуться. Почувствовали это оба. Потому смотрели

по комнатам внимательно, не пропало ли чего. Отгоняя от себя видение лежащего на кровати бездыханного тела.

Тела не было. Не было и Харитоновой шубы, валенок, шапки. И любимого его оренбургского платка, которым он обматывался в морозы поверх шубейки, говоря, что так ему никакой холод не страшен.

– Вань, а посмотри-ка ты поверху, – постукивая тростью по вытертому полу, попросил друга Стас. Не давала ему покоя какая-то хмарь. Но могло и поблазниться, тут нужен был настоящий сильный ведун.

Иван снял щегольские перчатки, кинул на стол, прижал указательные пальцы к вискам. Закрыв глаза, длинно выдохнул. Пар дыхания поплыл в стылом воздухе, растворился. Новые облачка, и – ведун застыл. Стас видел такое не впервые, но каждый раз напрягался и тревожился за друга.

Наконец облачко дыхания снова появилось, и Стас расслабился. Все это время он безотчетно оглядывался по сторонам, всматривался в густые холодные тени, поглаживая рукоять трости. Ощущения чужеродного присутствия вроде не было, но кто его знает...

Иван с хрустом потянулся, потер руки:

– Нет, Стас, ничего особого. Похоже, дед просто снова ушел в поход и сидит у кого-нибудь, греется.

– И все равно, день-другой подождем и снова заглянем, – упрямо сказал Хромой.

– Заглянем, конечно, – легко согласился Иван, – что не заглянуть-то?

Бывать у Харитона ведун любил, ему нравились бессвязные, но текучие, словно речка, истории деда и его легкое отношение к своему безумию.

Друзья вышли, на всякий случай поплотнее закрыли дверь дедова жилища и полезли обратно по сугробам к свету и людям.

Глава 2

Новости

Вдалеке глухо бухало.

– Кто-то колотит во входную дверь, – задумчиво констатировал Иван из гостиной.

Стас душераздирающе зевнул и, потянувшись, пружинисто вскочил с кровати. Проходя мимо развалившегося в кресле Ивана, сдернул с вешалки тяжелую шубу, накинул прямо на голое тело и пошел открывать, бросив по пути:

– Будить людей в такую рань второго января – бесчеловечно.

– И не говори. Ироды.

В длинном темноватом коридоре, как всегда, было холодно. Под ногами Стаса, обутыми в тонкие домашние туфли, потрескивал ледок, изо рта валил пар, но воин этого не замечал. В комнатах тепло – вот и славно. А тратить силы свет-камня еще и на коридор – глупость и позерство. Легко взбежав по крошащимся ступенькам древней бетонной лестницы, он крикнул: «Хватит долбить, открываю», – и завоzilся с засовами.

Ни малейшей тревоги он не испытывал. Попробуйся вот так барабанить в дверь кто чужой, *ненужный*, и хитрая система ловушек, заклинаний и оберегов уже голосила бы вовсю.

За дверью услышали – затихли. Стас прислушался – попробовал определить, что за гость. Любил он так побаловаться.

У входа топтался мужик. Встревоженный, немного испуганный и нетерпеливый. И очень знакомый.

Стас распахнул дверь и, прищурившись, уставился на гостя.

– Акимыч? Тебе-то какого рожна надо? – изобразил искреннее удивление Хромой. – Неужто купец твой недоволен? Или дочка подарок разбила? Так мы эти пластинки обратно не соберем.

Акимыч досадливо махнул рукой в толстой меховой рукавице:

– Не до шуток нам, Стас Григорьевич. Петр Фаддеич очень просят тебя с Иван Николаичем прибыть для серьезного разговора.

Стас глянул внимательнее. В глазах Акимыча и вправду читалась нешуточная тревога.

– Заходи, нечего в дверях стоять. Идем, расскажешь, что стряслось, а я пока оденусь.

Иван их встретил уже полностью одетым – почуял настрой напарника и приготовился. В добротном сером костюме «с искрой» и сияющих новеньких ботинках он походил на преуспевающего врача или служащего. Образ этот он тщательно поддерживал, потому следил за модой и даже бывал на модных показах.

– Чаю хочешь, Акимыч? Или, может, кофию? – заботливо спросил Иван приказчика, но тот снова отмахнулся и забегал по комнате.

– Рассказывай, что стряслось, пока я переодеваюсь, – скомандовал Стас и пошел к себе собираться. Дверь оставил открытой и крикнул, открывая платяной шкаф: – Давай, не тяни!

– Да сам я не пойму, что говорить, Стас Григорьевич, – крикнул в ответ приказчик. – Вчера ночью Говоруна прямо на Москворецком мосту убили!

– Какого говоруна? – не понял сначала Стас, а вот Иван, внимательно следивший за политической жизнью столицы, изумленно присвистнул:

– Да неужто? Прямо на Большом Москворецком? Вот это дела!

– Вот-вот! Дела! – занервничал приказчик. – С девкой какой-то его на этот мост понесло. Вроде после ресторации решили прогуляться, тут его и...

– В «Лобном», что ль, сидели? Что в Старом магазине?

– Там, где ж ему еще сидеть-то! – подтвердил Акимыч.

– Да кто он такой, Говорун этот? – рявкнул из комнаты Стас. – И какого лешего купцу твоему от нас понадобилось, толком говори!

Вместо приказчика ответил Иван:

– Покойный – Говорун Борис Вениаминович. Фамилии соответствовал полностью, говоруном считался бесподобным. Ты его помнить должен, он сначала за строительство в ближних посадах да по городкам вроде Сергиева Посада отвечал. Пока пост занимал, громко говорил, что всех воров посадит. А потом темная история про него самого всплыла. Вроде бы он завизировал часть земель как потравленные «черными вдовами», а порубежники потом рейд туда устроили и выяснили, что земельку втихаря продали за бесценок. Продали восточным каким-то людям, которые устроили там натуральное рабовладение и через то имели на рынках дорогой нашей столицы такую прибыль, что впору от зависти удавиться. Говорун, конечно, отговорился, но история вышла некрасивая, и место пришлось освободить. С того времени затаил Борис Вениаминович злобу лютую на власти городские, стал непримиримым критиком и оппозиционером. Потом и вовсе пропал, всплыл несколько лет назад в польских землях, советовал там, как вести дела с дикими москвитями. Судя по всему, советовал не слишком успешно, поскольку с панами мы замирились.

Стас пробурчал что-то невнятное.

С Речью Посполитой у Московии и правда дела одно время шли туго. Во время События норовистые вельможные паны показали себя крепкими вояками и очень толковыми организаторами. Правительство сумело не допустить паники, повезло и в том, что польские земли оказались в зоне устойчивой реальности – в Ясной Яви, как говорили ведуны. Придя в себя, они осмотрелись и для начала оттяпали себе кусок германских земель. Германцам в то время было совсем не до окраин – в Берлине и других крупных городах творилось такое, что только успевай поворачиваться.

Решив, что неплохо было бы проверить такое же дело с восточным соседом, паны осторожно двинулись вперед, но тут Москва и Киев разом укоризненно покачали головами. Говорят, пара разведгрупп крылатых гусар бесследно пропала в лесах, после чего поляки вспомнили о славянском братстве и общих корнях.

Видать, после этого Говоруну в Варшаве стало совсем скучно, и он тихо вернулся на родину.

– Не так давно господин Говорун снова появился в Первопрестольной, – продолжал Иван, – на сей раз в качестве специального представителя Ярославской городской думы в Москве. Такая вот хитрая должность у нас имеется. Снова начал много говорить и грозить кулаком, но всерьез его уже никто не воспринимал. Кроме любви к громким словам был известен страстью к прекрасному полу. Впрочем, он холостяк, так что ничего предосудительного и противоестественного в том не вижу.

– Исчерпывающе. Но неясно, что от нас-то нужно купцу первой гильдии. – Стас вошел в комнату, поправляя мягкий серый свитер. В отличие от друга, костюмов и галстуков он терпеть не мог и принципиально не носил.

Акимыч лишь головой покачал.

– Нечего мне сказать, Стас Григорыч, не пытай. Только Петр Фаддеевич, как узнал об убийстве, тут же меня за вами послал. Остальное пусть сам скажет. Мне приказал пулей к вам нестись. По десять монет каждому, говорит, плачу, только чтоб приехали.

– По десять монет за визит, – хмыкнул Иван, – значит, серьезно твоего купца припекло. Ладно. Поехали.

* * *

Январские переулки были тихи и задумчивы. Плыло над ними яркое голубое небо нового года, стреляло белыми вспышками солнечных зайчиков, поскрипывал под полозьями сухой рассыпчатый снег, и так хорошо было в мире, что Стасу захотелось выпрыгнуть из саней и отправиться бродить куда глаза глядят. А после, нагулявшись до озноба, зайти в первый попавшийся кабак и потребовать графинчик прозрачной да сковороду яичницы с салом. И непременно чтоб сверху лучком посыпали.

Он даже вздохнул и недовольно заворочался в санях.

Впрочем, долго мечтать не пришлось.

Приехали.

Распахнулись ворота, мелькнула подъездная аллея, и сани остановились на широкой площадке перед особняком.

Акимыч выскочил первым, дождался напарников и повел их к парадному входу.

– Слышь, Стас, нас сегодня прямо как серьезных людей по парадной лестнице ведут, – громко сказал Иван, глядя в спину приказчика. Тот лишь плечом дернул.

Стас не ответил.

Он внимательно смотрел по сторонам и замечал тихое, но напряженное шевеление. У ворот пара крепких молодцев в полушубках, еще один у угла дома по сторонам посматривает. Никак купчина чего-то опасается? Интересно. Купца первой гильдии напугать – это уметь надо.

Встретил гостей хорошо вышколенный дворецкий, принял шубы, указал рукой в белой перчатке:

– Пожалуйста наверх, Петр Фаддеевич вас ждут-с в кабинете.

Стас мимоходом отметил, что дворецкий изящен и гибок, но телосложения крепкого и гостей сопровождает, отступив на шаг. Интересные нынче слуги в купеческих домах.

Кабинет купца оказался большим, светлым, обставленным на удивление просто и обманчиво скромно. Обманчиво, поскольку каждый предмет обстановки стоил хороших денег. Очень. Очень хороших.

Большой рабочий стол у окна, два книжных шкафа, забитых томами в темных переплетках, да столик с креслами у стены.

Столяров стремительно вышел из-за стола, крепко пожал руки, указал на кресла:

– Присаживайтесь, господа, говорить будем.

Кивнул приказчику:

– Акимыч, бери стул, садись, без тебя не обойдемся.

Сегодня Столяров был в строгом сером костюме, белоснежной сорочке и при галстукке. И чувствовал он себя в этой одежде совершенно естественно. Стас про себя это отметил: интересная черточка, купцы московские «европскую одёжу» не очень жаловали, предпочитая длиннополые сюртуки и рубашки-косоворотки, которые начал шить кто-то из местных умельцев, как только удалось снова наладить мастерские.

– Выпьете, с морозцу-то? – хозяин дома щелкнул по боку тяжелого хрустального графина в центре стола.

– Не стоит, Петр Фаддеич, о делах говорить пришли, – отказался Иван.

– Оно и правильно. – Купец так и не присел, расхаживая вдоль стола. Наконец, вздохнув, бросил на стол газету. «Московский вестник». На первой странице – большой снимок. Фрагмент парапета, на тротуаре укрытое черной казенной холстиной тело, вокруг ноги в сапогах, снег запятнан темным. Холстина бугрится в двух местах.

«Зверское убийство политика в центре столицы!» – кричал заголовок.

– И вот еще. И еще! – купец в сердцах бросил на стол «Ведомости» и «Столичного обозревателя».

Стас спокойно отодвинул в сторону газеты.

– Петр Фаддеич, вы нам лучше сами расскажите, что произошло и зачем нас позвали. Говорите так, будто мы ничего не знаем. Кстати, так оно и есть. Мы с Иваном Николаевичем после Нового года как медведи в спячку впали. Вон Акимыч и разбудил.

Столяров побарабанил пальцами по краю стола. Глянул в окно.

Окно было большое, во всю стену, и в нем, как картина в раме, синело зимнее небо, золотились церковные купола, белел снег.

«А купчина-то эстет», – подумал Стас. Еще одна интересная деталька к образу возможного нанимателя.

– Значит, будто ничего не знаете. – Столяров развернулся всем телом, сцепил руки за спиной, снова заходил по ковру. – Вчера, ближе к полуночи, на Большом Москворецком мосту кто-то выпустил две тяжелых стрелы из ручного самострела в Бориса Вениаминовича Говоруна. Одна стрела пробила горло, вторая – сердце, так что умер господин Говорун мгновенно. Был он на мосту не один, а со спутницей. Спутница его, девица Варвара Груднева, не пострадала, но пребывает в расстроенных чувствах и толком ничего не говорит. Воскликает только что-то о черной тени и ужасном сгустке мрака.

– Свидетели, улики, что-то еще? – поинтересовался Иван. Спрашивал он купца так, словно тот знал о ходе расследования все. Впрочем, напарники примерно так и думали. Уж больно озабочен был Столяров. Значит, знал достаточно, чтобы забеспокоиться. А уж почему нервничает, о том сам расскажет. Обязательно расскажет, иначе бы не звал, не ходил, сцепив руки, не надевал костюм с галстуком, готовясь к чьему-то приходу... Кого, интересно, он ждал? Нет, скорее на выход купец собирался, на встречу с кем-то. С кем-то значимым, и не из купеческого круга, что еще интересней.

Столяров мгновение подумал.

– Основной свидетель – девица Груднева. Сейчас под охраной, разумеется. Кроме нее на мосту находилась парочка подгулявших парней, но они шли по другой стороне моста и подбежали к месту убийства только после того, как Груднева заголосила. Еще обходчик шел навстречу Говоруну с Грудневой, но он только поднялся на мост, момента убийства не видел. Снег же валил почти всю ночь. Что, кстати, тоже оказалось на руку убийцам, следы замело начисто.

– Убийцам или убийце? – уточнил Стас.

– Стрелка подобрала повозка. Ее Груднева и имела в виду, когда говорила, что мимо что-то пронеслось. Удаляющееся темное пятно и стук копыт парни тоже слышали. А обходчик даже видел ее, но очень смутно, поскольку в тот момент его внимание привлек женский крик. Так что полиции это не слишком помогло.

– Полиции? То есть у вас есть информация от следствия? – прямо спросил Стас.

Купец снова помедлил, видимо, прикидывая, что именно ему стоит говорить.

Стас решил его поторопить.

– Петр Фаддеевич, вам лучше быть с нами предельно откровенным, если вы решите нас нанять. В полиции человек у вас есть, это ж понятно. И, думаю, не один. А раз осведомители вам подробно все передали, это говорит о том, что в деле вы имеете нешуточный интерес и озабочены серьезно. Не очень пока понимаю, чем именно мы можем вам помочь, но давайте договоримся сразу: втемную вы нас использовать даже не пробуете.

– И в мыслях такого не было, – махнул рукой купец. – Люди в полиции у меня, конечно, есть. Но тот, о ком я говорю, не купленный, родич он мой, вот и вывалил на меня весь ворох разом. Человек он спокойный и вдумчивый, а тут прибежал... ни разу я его таким не видел.

Остановившись, Столяров задумчиво посмотрел на графинчик, сцапал его и, налив рюмку, одним глотком опрокинул. Длинно выдохнув, поморщился.

Сел наконец.

– Ладно. Чувства в сторону, не девицы. Мне надо знать, кто и зачем заказал Говоруна. А его заказали. И, чую, под меня так копают.

Напарники переглянулись. Глядя на Ивана, Стас очень медленно, взвешивая каждое слово, сказал:

– А с чего вы, Петр Фаддеевич, взяли, что мы это можем сделать?

– И что мы умеем это делать вообще, – добавил Иван.

Акимыч переводил взгляд с визитеров на купца, и во взгляде его отчетливо читалась серьезная опаска.

Купец взгляд этот перехватил и усмехнулся:

– Ты, Акимыч, не мандражируй. Все нормально. А знаю я, что вы, господа, люди многих, хм... способностей, – купец потянулся к графинчику и налил теперь уже четыре рюмки, – и умеете не только подарки к праздникам добывать да по нехорошим местам шататься. Вы вот, Станислав Григорьевич, у порубежников не только в рейды ходили, но и Старшему помогали. В деликатных, – тут купец изобразил пальцами в воздухе замысловатый жест, – делах. Да и вы, Иван Николаевич, тоже не по ярмарочным шатрам рассиживались.

– Положим, так. – Стас, потянувшись, взял рюмку и, покрутив в пальцах, выпил. – Хороша водочка! На березовых почках?

Купец кивнул.

– Положим, кое-что мы умеем, – повторил Стас и подался вперед, – но с чего нам с Иваном в это дело влезать? От него политикой за версту смердит, а в нее мы не суемся: башку отвинтят, и никакие заслуги прошлого не помогут. Так повторяю: с чего решили нас звать и что мы с этого иметь будем?

– И зачем вам люди со стороны, если у вас свои в полиции сидят? – добавил Иван. Происходящее ему, с одной стороны, не нравилось, с другой – просыпался в нем подзабытый азарт, который в прошлые годы не раз заводил его в такие передраги, из которых он с трудом ноги уносил.

– Позвать вас мне Акимыч присоветовал, – кивнул купец на приказчика.

Иван молча показал Акимычу кулак.

– А я согласился. Поскольку для такого дела мне нужны как раз люди со стороны. С моими делами и моим окружением никак не связанные, умелые да понимающие, как опасные дела делаются. И чтоб не любители лезть на рожон.

– А вам-то это зачем? – напрямую спросил Иван.

У купца чуть заметно дрогнула щека.

– Да вы не стесняйтесь, что уж, Петр Фаддеич. Сами сказали, что люди нужны толковые и с полицией не связанные. Тут два и два складывать не надо. Бойтесь вы, что историей этой воспользуются, чтоб вам подкузьмить. И подозреваете, что родича вашего тоже подставить могут.

Столяров достал тяжелый золотой портсигар, размял папиросу. Прикурил от длинной толстой спички.

– Правильно мыслите, Иван Николаевич. Тут клубок такой, что и не знаешь, с чего начать. Но попробую. – Купец крепко затянулся. – Покойный господин Говорун, хоть и был уже политическим импотентом, в Ярославле и окрестностях полезные знакомства сохранил. И здесь, в Москве, устраивал выгодные сделки, протекцию оказывал, ну и прочие услуги. С которых, собственно, и кормятся все наши слуги народные.

Хмыкнув, Столяров продолжил:

– Деловые интересы у меня самые разнообразные. И в Ярославле мне как раз протекция потребовалась. Хотел я тамошним больницам да домам призрения продуктовые наборы для обедов поставлять. И цену предлагал неплохую, но без нужной смазки дело не шло. Обратился к Говоруну, он обещал посодействовать. И вот вчера вечером узнаю, что он, стервец этакий, контракт с больницами другому устроил. А с утра такие вот новости.

Столяров со злостью раздавил в пепельнице окурок.

– Весело годик начинается, – вздохнул Иван и попросил: – Вы продолжайте, Петр Фаддеич, давайте нам весь расклад. И соображения свои тоже давайте. Сами про клубок начали. А то, знаете ли, из Мира Духов мне сообщают, что вы серьезно недоговариваете.

Столяров продолжил:

– Шуму сейчас будет выше крыши. Он, собственно, уже начался. Столичная интеллигенция вон и крикуны из примиренцев шествием идти собрались. Европейских земель послы шум поднимают.

Купец поморщился.

– У самих упыри да «черные вдовы» по городам народ косят, то там, то тут пограничье прорывает, а туда же, учить! Словом, сейчас все на ушах стоять будут. А дела – они тишину и порядок любят.

Стас долго молчал. Купец недоговаривал, недоговаривал многое, ненужно мялся и потому вызывал все меньше и меньше доверия. Знал о нем Стас довольно много. Был купчина мужиком тертым, жестким, но, если верить тем, кто вел с ним дела, не подлым. Даже в особо безобразных пьянках с балеринами и певичками его не замечали.

А сейчас мялся, словно его на мальчике из хора застукали.

И Стас решил подлить масла в огонь.

– Петр Фаддеич, сами про клубок заговорили. Поздно останавливаться-то. Или говорите до конца, или давайте по десять монет, и мы пойдем. Вы сами согласились, что втемную не работаем. Выкладывайте все.

Купец остановился, посмотрел на Стаса. Взгляд был поначалу неприятный, но быстро изменился. Словно Столяров сначала одну личину пробовал, понял, что не подойдет, и тут же ее сменил.

– Был у меня Говорун. Незадолго до смерти. Сами ж знаете, у нас в одном конце города чихнешь, в другом здоровья пожелают.

– Или скажут, что обделался, – негромко сказал Иван и затушил в тяжелой пепельнице папиросу.

– Да уж, чаще так и скажут, – криво ухмыльнулся Столяров. Невеселая ухмылочка вышла.

– Вы продолжайте, Петр Фаддеич, а то мы из вас словно клещами правду тянем, – подбодрил купца Иван.

А Стас все молчал. Смотрел то на друга, то на купца. Ваня все правильно делал. А вот купец... Даже сейчас он игру вел. Непонятно только, какую.

– Да что ж говорить-то? Приходил он ко мне. О делах и не говорили вовсе. Явился как ни в чем не бывало, выпрашивать начал про пластинки, которые вы мне добыли. Мол, продай мне две-три, Петр Фаддеич, я Вареньке подарить хочу, она от всякой старой музыки без ума.

– Так, значит, – крикнул с досады Стас. – И вы, конечно, по доброте душевной согласились.

Купец кивнул.

– Ничего страшного для нас в этом не вижу, – невозмутимо откинулся на спинку кресла Иван, – ну купил. Ну продали вы их ему. Нам-то что?

– То есть нас пристегнуть к делу могут, но толку от этого никакого, – спокойно сказал Стас. Тревоги он особой не испытывал, поскольку был уверен, что они смогут дать полное

объяснение своим поступкам, но лишний раз попадать в поле зрения Службы Безопасности Республики, полиции и Особого приказа Патриархии совсем не хотелось.

Да... удружил им купец.

Столяров глянул тяжело. Оценивая. Так смотрят, решаясь на серьезное дело.

– То, что я скажу, выйти отсюда не должно. Это ясно? Прежде чем продолжу, скажу вот что: за работу каждому по тысяче золотых. На расходы по двадцать золотых на каждого. В неделю. Акимыч аванс выдаст на пять дней. Отчета требовать не буду, хотите пропейте, хотите на баб спустите, мне дело нужно. Понадобится кого подмазать крупно – в любое время приходите, Акимычу говорите, что и зачем. Устраивает?

Ответили сразу:

– Устраивает.

– Вот и хорошо. Тогда слушайте. По весне у нас выборы в Думу. И есть у московского купечества сильное желание, чтобы интересы наши представляли серьезные люди. И чтобы таких людей было как можно больше. Понятное дело, не всем это нравится. В открытую никто никого не гробит, убийц не нанимает. Пока, во всяком случае. Покойный Говорун о планах наших кое-что знал. Знал он и то, что мы в последнее время нескольких очень нужных нам людей на свою сторону перетянули. Но не знал, кого. Есть подозрение, что незадолго до смерти он эту информацию получил. Зная покойного, могу сказать, что он мог этой информацией торгаться.

– За что его вполне могли отправить в мир иной, – подвел итог Стас, – а вы теперь под подозрением, поскольку могут решить, что вы ему рот и заткнули.

Столяров кивнул.

Иван, листавший все это время газеты, поднял голову:

– Вариантов, впрочем, и так хватает. У покойного личная жизнь была весьма бурная. Опять же, посредничал он не только для вас и мало ли кого еще обмануть мог.

– Возможно, возможно, – сказал купец и подвел итог: – Но мне этого мало. Надо всякий риск исключить.

– А почему вы все же решили нанять людей со стороны? – спросил Стас. – Почему за родича опасаетесь?

Купец снова посмотрел тяжело, оценивая.

– Родич мой теперь под колпаком, Стас Григорыч. Как только Говоруна застрелили, куда нужно записочка пошла. И теперь не только я, но и двоюродный дядя к моему забору без присмотра шагу не ступит. А кроме того, есть у меня нехорошее подозрение, что дело это сейчас заматывать будут. Или в нужную сторону раскручивать. Но нужную совсем не нам. Не купечеству московскому. А мы, Стас Григорыч, хоть люди и торговые, хоть и не особо нас любят, а печемся не только о своей выгоде, но и о выгоде народа московского. Будет тут тихо да сытно, будет и народ побогаче. И нам с того народу торговля куда как выгоднее будет. Смекаете?

Он вздохнул:

– Ты вот, Стас Григорыч, про клубок говорил. Он самый и есть. Родич мой отчего-то больше всего даже не из-за Говоруна переживал. Н-да...

Друзья молчали.

– Как он мне сказал, оказывается, последнее время люди по городу пропадать стали. Не толпами, конечно. Но несколько человек пропало. Никаких следов борьбы или там крови, просто нет человека на обычном месте, да и все тут.

– С Говоруном-то убиенным это как связано? – спросил Иван.

– Вроде никак, – пожал плечами купец, – только родич мой говорил, что среди тех, кто делом Говоруна занимается, есть те, кто как раз пропажи должен был расследовать. А это, я так понимаю, если и не ведомства, то отделы разные. И что, спрашивается, они тут делают?

Дело уже не просто пованивало, а отвратительно смердело. Непонятно, как одно с другим пересекается, но не просто же так об этом купец сказал.

Друзья переглянулись, поняв друг друга без слов, – оба вспомнили про Стеклянного деда.

И все же, все же купец все еще недоговаривал. Но это можно было обдумать позже. Достаточно того, что они о пропажах узнали.

– Хорошо, – согласился Иван.

– По рукам, Петр Фаддеич, – добавил Стас.

Они по очереди крепко пожали купцу руку и направились к выходу.

Столяров проводил друзей до дверей кабинета. Напомнил приказчику:

– Акимыч, не забудь аванс выдать да на расходы. И визит надо оплатить.

Да уж, денежки счет любят.

* * *

Солнце ушло. Как это часто бывает зимой, небо закуталось в тяжелые серые облака, из которых посыпался мягкий пух, и решило подремать.

Иван потянулся, глянул на друга. Стас кивнул.

– Угу. Пройдемся. Приникнем к истокам власти.

И они пошли к Красной площади сквозь медленный, пахнущий холодной свежестью снег. Протяжно покрикивали похожие на снеговиков торговцы сбитнем, скользили сани, из которых доносились вопли подгулявших компаний, веселый девичий визг, треньканье гитары. Плотный людской поток заполнял Воздвиженку, горящую огнями витрин, Моховую, которую перегородили молодцы в форме преображенцев. Молодцы явно пребывали в увольнении, по какому поводу были веселы, не вполне трезвы и находились в полной уверенности, что каждый прохожий обязан с ними выпить «этта-а-ага-а прекра-а-аснава-а-а шампанскава-а!». Прекрасное шампанское стояло в ящиках поперек улицы, и желающих участвовать в штурме импровизированной баррикады было предостаточно.

Веселая толчея нарастала, кто-то уже пускал в воздух хлопушки и орал тосты.

Друзья шагнули ближе к домам, Иван прошептал несложный заговор для отвода глаз. Действовал заговор шагов на пятнадцать, но большего и не надо. Прошли мимо преображенцев без происшествий, но на ящики с шампанским оба покосились с некоторым сожалением и, не сговариваясь, вздохнули. Эх, вот бы в веселые денечки молодости...

Вокруг Манежа горели костры, пахло еловыми лапами, а само здание освещали самые настоящие электрические гирлянды. Лампочки в них, правда, горели неровно и отчетливо потрескивали.

– Показушники хреновы, – недовольно пробурчал Стас. – От Манежа до сих пор запределем несет, и еще лет двадцать точно нести будет, но им же себя показать надо!

– Ладно тебе, не ворчи, – улыбнулся Иван, – светится же, не перегорает.

– Ага, не перегорает. А как Старый музей горел, помнишь?

Исторический музей, который москвичи называли не иначе как Старый, горел знатно. Здание, как и большинство старых построек, почти не пострадало во время События, разве что несколько залов хитроумно вывернуло в иные измерения, уцелело и большинство экспонатов. Потихоньку его привели в порядок, и пару лет назад мэрия решила с помпой открыть в нем выставку «Москва в мирах и эпохах». Умные люди предупреждали: не надо иллюминацию электрическую устраивать, плохо электричество уживается с законами иных пространств, с магией, к примеру.

Умных людей, как водится, не послушали.

И в тот момент, когда увесистый мэр говорил о незыблемости традиций, гирлянды затрепщали, щелкнули, и полыхнуло так, что почтенная публика чуть не поджарилась в полном составе.

К счастью, кремлевские служители не растерялись, сообразили, что пожар под боком Державного не нужен, и быстро его погасили.

Теперь мэрия экспериментировала с Манежем.

Проходя мимо наглухо залитого бетоном входа в «Охотный Ряд», напарники поежились. Уж сколько лет пошло, а те, кто умел чутать, держались от каменного надгробия подальше. Когда начались Изменения, из стеклянных дверей полезло такое, что подземную громаду со всем товаром, стеклом и мрамором попросту выжгли. А потом залили бетоном и накрепко запечатали заклетьями и заговорами.

Красную площадь прошли по краю – вдоль стеклянной стены Магазина, где как раз располагалась ресторация, в которой вкусил свой последний ужин господин Говорун со спутницей. Посмотрели на солидных господ, вальяжно ужинающих молодых девиц и моложавых дам, оценили возможность наблюдения за господами снаружи.

– Если с катка смотреть, – Стас кивнул в сторону площади, превращенной на зиму в публичный каток, – то вполне неплохо ресторация просматривается. Даже сквозь снегопад человек с хорошим зрением парочку засечет. Катайся да посматривай, когда они встанут.

Иван лишь покусывал нижнюю губу.

– А он точно за одним из этих столиков сидел? А если в глубине? И потом, они же могли выйти не наружу, а внутрь. Из этого зала выход есть в торговую галерею. Решил перед девицей пофорсить, очередную висюльку купить, дабы разжечь страсть неземную. Погуляли по лавкам да и вышли с другого конца здания, с торца.

И Иван кивнул вперед, в сторону храма Василия Блаженного, терявшегося в снежной круговерти.

– Могли и так. Но пока мы просто гадаем. Надо будет купца потрясти, пусть нам бумаги следствия достанет. Наверняка же восстанавливали его маршрут, это первым делом делается. Но ты прав. Только на человека снаружи полагаться не вариант. Должны были еще как-то вести.

Снегопад усилился.

Тяжелые хлопья бесшумно валились на землю, и в белом полумраке вязли звуки музыки с катка, бессильно расплескивался свет фонарей, превращались в неясные силуэты прохожие.

Друзья оставили за спиной собор и ступили на мост.

Место убийства пропустить было нельзя. Почитатели господина Говоруна, которых в Москве хватало, особенно среди одиноких экзальтированных дам средних лет, принесли столько цветов, что сейчас они горкой лежали вдоль парапета.

Занесенные снегом.

Жалкие.

Мертвые.

Полицейское оцепление уже сняли, но Иван все же оглянулся – не оставляло ощущение чьего-то присутствия.

– Пасут, все правильно, – не поворачивая головы, сказал Стас. – Как и положено. Мало ли кто заявится.

По роду бывшей службы он хорошо знал систему наблюдения, растянутую над центром Москвы. Понятно, что с того времени она уже не раз поменялась, но принцип – принцип недреманного ока над Кремлем – остался.

Иван лишь пожал плечами.

– Смотри, стреляли примерно отсюда, – Иван сделал пару шагов назад и вбок. Сразу за его спиной оказалась смотровая площадка, которой заканчивалась лестница с набережной. –

Убийца, если верить тому, что написано в газетах, поднялся по лестнице и оказался точно за спиной Говоруна.

Иван поднял руки, сказал «бамм», изображая выстрел.

– Две стрелы, обе точно туда, куда нужно. С нескольких шагов. После быстрого подъема по лестнице. Ночью.

– После чего к нему сразу же подлетают сани и уносят в неизвестном направлении, – подхватил Стас. – Слушай, это ж отрепетировано должно быть по секундам. Да и стрелка такого в подворотне не найдешь. Я лично за всю жизнь пару человек видел.

Подумав, добавил:

– Ну трех.

– Сделаем себе заметочку и пойдем дальше. – Иван поднял голову, всмотрелся в серую завесу. – Дай-ка я поверху гляну.

– Ну глянь, – хмыкнул Стас, – потом не говори, что я не предупредил.

Иван чуть сощурился и *глянул*. Пространство вокруг было прочерчено едва заметными синеватыми штрихами, а чуть поодаль, ближе к стене Кремля и собору, висели в воздухе три зеленоватых переливчатых шара.

Ведун поморгал, потер глаза.

– Насмотрелся? Теперь с полчаса в глазах песок будет.

– Ладно тебе, не занудствуй. Что тут видеть, тут от защитной магии аж воздух гудит. Летучих сторожей одних три штуки подвешено. Да еще слухачи круглосуточно где-то за стеной, – Иван кивнул в сторону Кремлевской стены, – сидят, пространства щупают. И вот так спокойно убийца поднимается на мост, стреляет и уходит?

– Ты это к чему ведешь, Ваня? – прищурился Стас.

– Сам пока не знаю. А вот что я продрог и ноги промокли – знаю.

– Так нечего пижонить. В твоих штиблетах только по паркетам расхаживать, – не преминул поддеть друга Стас. – Но делать нам тут больше нечего, это ты прав. Пойдем-ка куда-нибудь в тепло да и покумекаем, что нам делать дальше.

– А поехали на Су... – начал Иван.

– Нет. Я не буду смотреть, как ты жрешь своих чертовых змей, – не дал ему договорить Стас.

Об этом они спорили до хрипоты. Иван до безумия любил блюдо, которое подавали только в одном заведении Москвы. Уже много лет хозяин небольшого трактирчика разводил ужей-желтобрюхов, откармливал молоком и подавал с рисом под секретным желтым соусом.

Стаса это блюдо повергало в тягостное раздумье.

– Нет в тебе, Станислав, тяги к изысканной кухне, – вздохнул Иван. – Ладно, поехали туда, где кормят плебеев вроде тебя.

У Балчуга взяли извозчика, и Стас скомандовал:

– Вези на Сухаревку, в «Кости дракона».

В заведении они, потирая руки, употребили по крохотной стопочке «слезы дракона», зажевав крохотным же перчиком «драконий зуб», после которого их бросило в жар, а на глаза навернулись слезы.

За супом из белых грибочков со сливками последовали телячьи отбивные с вареной картошкой, посыпанной укропом и еще какими-то травками, не по-зимнему пахнущими теплом и солнцем, да щедро сдобренной коровьим маслом.

Обед перешел в стадию неторопливого мирозерцания.

Сидели друзья в отдельном кабинете, который Иван, войдя, первым делом запечатал от слухачей.

Откинувшись на спинку мягкого кресла, Стас кинул в угол рта зубочистку и, заложив руки за голову, уставился в потолок.

– Скажи мне, Иван Николаевич, во что же мы с тобой ввязались на самом деле?

Иван поигрывал вилкой и мурлыкал, подпевая доносящейся из зала мелодии. Играли что-то почти забытое, из старых времен.

– В очень мутное дело. Я за политикой нашей слежу от случая к случаю, но про господина Говоруна знаю достаточно, чтобы понимать, что желающих при случае набить ему морду хватает с избытком. А вот кому понадобилось нанимать серьезных людей да еще устраивать убийство чуть ли не в спальне Державного – ума не приложу.

– Ну, купец сам сказал, версий множество.

– Это точно. Но нам с тобой надо хотя бы основные определить. Для себя. Чтобы мы решили, от чего пляшем.

Стас потянулся за графинчиком, но, крикнув, передумал, взял кувшин с квасом, налил полстакана. Вдумчиво выпил и снова уставился в потолок. Никуда не хотелось идти. Не хотелось думать, тем более о мертвых депутатах и живых шустрых убийцах.

Но надо.

– Рано о версиях думать, Вань. Даже прикидочно. Мало мы с тобой знаем. А надо нам походить по знакомым и порасспрашивать, кто что знает, кто что слышал. И начну я, знаешь, с кого?

Иван вопросительно воздел бровь.

– Начну я со Старшего. И спрашиваю я его о том, что сейчас происходит в окрестностях кремлевских стен. Поскольку в кремлевской охране у него знакомцев хватает. А потом загляну к парочке знакомых в полиции. Есть там люди, которые мне кое-чем обязаны. Очень хочется порасспрашивать их о маршруте Говоруна. Наверняка они нюхачей своих пускали по следу. Не дает мне покоя этот ужин. Либо там кто-то в самом зале сидел, либо как-то еще хитро за ним следили. Не могли только на глаза с катка полагаться. И про потеряшек порасспрошу. Ох, как мне все это не нравится!

– И это правильно, – веско согласился Иван и разлил остатки водки по рюмкам, – давай выпьем, закусим... и двинем дальше. Я себе тоже визит наметил. Волка ноги кормят.

– Но прежде всего, – потряс указательным пальцем Стас, – мы с тобой вместе ходим.

– К кому? – Иван и сам уже догадывался, но интригу поддержал.

– К Хасану Песчанику.

Глава 3

Песчаник

Хасан обосновался в Олимпийском квартале, который чаще всего называли Чертовым околотком: уж больно много мрачной нечисти вылезло в тех краях сразу после События, да и потом улицы и переулки в окрестностях круглой громады Олимпийского оставались пустыми и неуютными. Люди селились там неохотно и при первой возможности уходили – говорили, что не могут нормально спать, а небо им кажется серым и чужим даже в самый солнечный день.

Стас там бывал и по служебной надобности, и потом, по делам клиентов, и, хотя серого неба не видел, места эти искренне не любил.

Хасан же давным-давно, едва появившись в Москве, облюбовал странное здание из голубовато-серого стекла и металла, стоявшее наискосок от мечети, которую возвели незадолго до События. Те, кто исповедовал магометанскую веру, и сейчас захаживали в нее, однако, насколько знал Стас, сам Хасан Песчаник ни разу там не появлялся.

Стаса это ничуть не трогало, но зарубочку на памяти он оставил.

Обжился Хасан быстро, вокруг него постепенно собралось целое поселение, незаметно, но основательно переоборудовавшее и само здание, и окрестности. Строение обросло пристройками, крытыми переходами, открытыми галереями, где постоянно сушились красноватые ковры и цветастые тряпки, бегали молчаливые дети и бесшумные женщины, закутанные в черное, и все это обиталище пахло чужим тяжелым запахом острой еды, зеленого чая, ароматических масел и крови.

– Думаешь, он скажет нам что-то, чего не сказал полиции? – с искренним сомнением спросил Иван, глядя на обиталище Хасана.

Стас пожал плечами.

– Не знаю. Пока не спросим, не узнаем. Я так думаю, сюда пока просто заглянули по горячим следам, посмотрели, поспрашивали, никого не нашли. И ушли дальше. Хасан же, если что и знает, ничего не говорил, сидел неподвижно и изображал погружение в неведомое.

– Не любишь ты его, Стас, – хмыкнул Иван.

Стас лишь бровь приподнял:

– Тени в нем много, Вань, а человека мало.

Их ощупали еще на подходе и, видимо, признали, поскольку на входе гостей ждал очень вежливый человек в стеганом ватном халате и пестрой тюбетейке. Он низко поклонился и предложил уважаемым гостям проследовать в тепло, где их напоят замечательным чаем, а почтенный Хасан сейчас подойдет.

Провожатый вел их по длинным извилистым коридорам, мимо закрытых, а иногда и заложенных тяжелыми засовами дверей, а Стас машинально считал повороты и выстраивал в голове варианты выхода. После очередного поворота он усмехнулся: ай-ай-ай, зачем же так с ними? Заговор, наложенный на этот поворот, был изящен, он лишь слегка смещал направление, даже не путал, а сбивал с толку, но если человек пытается уйти от опасности, то и этого достаточно. Таких заговоренных поворотов им попалось три, и Стас почувствовал, как подобрался Иван. Сам Стас такие вещи чувствовал через древний, по праву и силе полученный из кургана оберег, а вот Иван ощущал и видел напрямую. Ведун – он ведун и есть.

«Судя по всему, разговора не получится», – подумал Стас, но виду, конечно, не подал.

Человек в халате ввел их в обширный, теряющийся в полутьме зал, полностью застеленный коврами, плавным жестом показал на низенький столик с разложенными вокруг подушками и подушечками и ушел, прошелестев, что достопочтенный Хасан уже спешит к гостям.

Стас осторожно ощупал зал – Иван делал то же самое, они почувствовали друг друга и одновременно усмехнулись.

И сам зал, и все здание были полны тяжелым, густым, как запах восточных масляных духов, колдовством. Сейчас вокруг ощущалось не менее трех сильных колдунов, вполне способных доставить неприятности, да еще около десятка настороженных, ждущих команды бойцов.

«Интересно, с чего это такая боевая готовность? – подумал Стас. – Неужто они и полицию так встречали? Не может быть, кем-кем, а дураком Песчаник никогда не был. Понимал же, что даже обычный дознаватель сюда придет в сопровождении верхогляда, способного прошупать здание и понять, что их ждет внутри».

И тут он похолодел... Посмотрел на Ивана и наткнулся на настороженный взгляд друга. Тот тоже понял.

Что-то такое было сейчас и здесь серьезное. Чего не было раньше, во время визита полиции.

Что-то или кто-то.

И тут чуть слышно зашелестела невидимая завеса.

Казалось, Хасан плывет над коврами, не касаясь их ногами в мягких туфлях с острыми загнутыми мысами. Сегодня он весь, от туфель до чалмы с золотой застежкой, был восточным волшебником из древних сказок. Что ж, имеет право.

– Присаживайтесь, дорогие гости, и позвольте мне, недостойному, оказать вам гостеприимство, какого заслуживают величайшие и храбрейшие мудрецы, почтившие своим присутствием мое жалкое жилище, – Хасан поклонился и показал рукой на мягкие подушки.

Вежливо поклонившись, друзья сели.

Хасан сам разлил чай по стаканчикам с расходящимися кверху горлышками, подробно описал превосходные качества розового рахат-лукума, нежнейшего шербета и множества других яств, уместившихся на чайном столике.

Стас слушал журчание его речи и старался не заснуть: «Да ну, неужели он пытается опутать меня таким простецким способом? Не с каждым торговцем этот прием пройдет, а уж с нами и подавно».

«Он просто боится выдать себя, – понял Хромой. – Попробуй он применить что-нибудь существенное, и мы сразу сообразим, что тут что-то серьезное творится. А ему надо усыпить нашу бдительность и выпроводить. Он же не знает точно, зачем мы явились, и боится, что мы учуем что-то, чего нам чужь не следует. Или не нас он боится? Мы-то что, нас и закопать можно так, что концов не сыщешь. – И тут же про себя хмыкнул: – Ну как не сыщешь, искать будут и найдут обязательно, Старшой своих не бросает, у него бывших не бывает. И Песчаник это знает. Значит, есть вероятность, что опасается он кого-то другого, и вот это очень интересно, поскольку покровителей Хасан имеет на самом верху и трогать его лишний раз не решалась даже Служба Безопасности Державного, не говоря уже о городской полиции».

– Благодарю за гостеприимство, – улыбнулся Иван, и Стас отметил, что глаза у старого друга холодные и очень внимательные. Значит, заметит это и Хасан, что пойдет на пользу делу.

Стас незаметно разгонял себя, вводил в режим боевой собранной гибкости. В этом состоянии человек для взгляда со стороны обманчиво расслаблен, и лишь боец высочайшего класса по немногим признакам может распознать, что вальяжность эта – всего лишь маскировка.

Хромой полулег на подушки, подпер рукой голову и сделал крохотный глоток вкуснейшего чая. Приподнял стаканчик, показывая восхищение и почтение хозяину. Хасан благодарно поклонился, сложив руки перед грудью.

– Так что же привело столь почтенных гостей в мое скромное жилище, да будет к нему милостив Аллах великий и милосердный?

Стас глянул по сторонам, оценил шевеление теней в углах зала и решил, что вести витиеватые беседы бессмысленно.

– Хасан, ты уж извини, но из тебя правоверный хуже, чем из нас прихожане храма Казанской Божьей Матери, – хмыкнул он и поставил стаканчик на стол, – хотя чай действительно хорош.

Маг уже нехорошо сузил глаза, но Стас поднял руку в предупреждающем жесте.

– Мы тебе просто вопросы зададим, а ты нам честно ответишь. Только честно, договорились?

– Иначе мы очень сильно расстроимся, – почти шепотом добавил Иван.

– Угрожать гостеприимному хозяину в его доме – нехорошо, совсем плохо, – прошипел Песчаник. Он откровенно злился, нервничал, и от этого его акцент, обычно едва заметный, стал явным и грубым.

– А почему ты решил, что мы тебе угрожаем, Хасан? – Стас был само благодущие. Те, кого Хромой, бывало, допрашивал, не сразу понимали, что именно значит это благодущие. Потом, правда, осознание приходило, но было поздно.

– Мы к тебе за советом пришли, почтенный Хасан, – столь же кротко обратился к магу Иван. – К кому, как не к тебе, идти, если нужно узнать, как попал в Москву стрелок высочайшего уровня, внешности определенно восточной... да еще прикрытый силами Нижнего мира и чарами джиннов?

Про джиннов Иван не знал ничего, бросил, что называется, наугад, и увидел, как едва заметно дернулся уголок рта их гостеприимного хозяина.

– Увы, ничем не могу помочь вам, почтенные, – расплылся в сладчайшей улыбке Хасан. – И господам из полиции я сказал точно то же самое. А почему вас-то это интересует, если это не огромная и страшная тайна, конечно?

Он даже подался вперед и стал похож на большую хищную птицу с тонкой шеей, нечеловечески гибко выдвинувшейся из ворота халата.

«Нет, не на птицу, на змею, – подумал Иван. – Да уж, не получается у нас разговор, а ведь так хотелось все решить миром, всего-то задать мудрому восточному человеку пару вопросов... Может, еще выйдет?» И он примирительно прижал ладонь к сердцу:

– Хасан, ты же знаешь, что мы никогда не делали друг другу зла и не переходили дорогу...

«Да-да, как ты у нас заказ на бранзулетки для княжеской невесты увел, я тебе еще припомню», – произнес он мысленно и продолжил:

– И мы со всей возможной искренностью хотели приникнуть к бездонному океану твоей мудрости и спросить, не поможешь ли ты нам в поисках, которые мы ведем для одного человека, предпочитающего сохранять свое имя в тайне.

Спрашивая, Иван старался как можно шире и точнее охватить верхним чутьем жилище Хасана. Он видел светло-серые просверки, но предупредить друга не мог, одна надежда на его сверхъестественное чутье. Авось настроится на него, Ивана, и сам поймет, что в доме нечисто.

А Хасан все качал головой и делал удивленные глаза. Он витиевато распространялся о непочтительности молодежи и о том, насколько преувеличены его возможности в этом городе, убеждая, что никогда не скрыл бы ничего от своих хороших друзей Станислава Григорьевича и Ивана Николаевича, и как только они могли...

– Тогда спасибо за гостеприимство, но мы пойдем, – неожиданно поднялся на ноги Иван, прерывая непрерывный поток патоки, лившейся из уст Песчаника.

Стас пружинисто вскочил следом, вежливо поклонился Хасану и последовал за другом. А Иван, не обращая внимания на хозяина дома, набирая скорость, уже мчался по коридору в глубь здания. Он нащупал наконец сгусток настороженного опасливого внимания и едва заметный всплеск осторожных и простых, как у загнанного зверя, чувств. Сгусток двигался из глубины здания к одному из выходов, и Иван решил, что теперь не время осторожничать.

Позади возмущенно заголосил Песчаник, но Иван даже не замедлил шаг. Лишь отмахнулся от заклятья, брошенного чародеем им в спину.

Он потянулся в Верхний мир, и вот уже рядом с ним затанцевал полупрозрачный Лис, понесся кругами, то отскакивая, то обгоняя. Злобно твякая, кусал, рвал призрачную плоть тварей, появлявшихся из темноты, и светился все ярче.

Стас вытащил из трости серебристо отсвечивающий клинок и старался не отстать от друга. Коридоры делались все уже и извилистее. Видимо, тревога еще не дошла сюда. Лишь из-за одной двери выскочил взлохмаченный мужик разбойного вида и загородил проход, но Стас коротко двинул ему кулаком в зубы, предварительно отстранив Ивана. Мужик молча улетел обратно за дверь.

– Между прочим, я бы и сам, – обиженно начал Иван, но Стас перебил его:

– Знаю-знаю. Держи след, гончая.

Вечно такое везение продолжаться не могло. Им и так повезло только из-за невероятной наглости. Они беспардонно нарушили все законы гостеприимства, все возможные неписанные соглашения, и теперь Хасан мог делать с ними все что угодно. И даже Старшой, случись что со Стасом, не смог бы предъявить Песчанику никаких претензий.

«Если не накроем стрелка, нам кранты», – очень спокойно подумал Хромой, наблюдая, как плывут, растягиваются темные коридоры, которых просто не могло вмещать древнее здание. Делалось все жарче, сзади катился медленный тяжелый гул, в котором Стас с трудом различал гортанный низкий голос Хасана. Коридоры дрожали, стены делались полупрозрачными, и уже оборачивались к непрошеным гостям медлительные белокожие дети с мертвыми внимательными глазами, уже открывались двери, и все ниже опускался подрагивающий, словно брюхо гигантской змеи, потолок.

И все же Хасан старался не привлекать внимания и не показывал полную силу. А на что способен азиат, друзья хорошо знали. Это их и подстегивало. Хватало и того, что творилось вокруг. Иван остановился, коротко гортанно крикнул, развел руки и поднял их вверх. Призрачные голубовато-оранжевые ленты растеклись-зазмеились назад, во тьму, из которой накачивал тяжелый, слышимый лишь тем, кто умеет слушать Верхний мир, гул, и звук сбился, будто у человека перехватило горло.

Встали на место стены, затвердел потолок, и друзья вылетели в просторный холл подъезда, через распахнутые двери которого виднелся узкий, застроенный перекошенными лачугами проулок.

По холлу к выходу бежали трое. Один из убежавших обернулся – лицо смутно знакомое, Стас видел его в окружении Хасана, – поднял руку, и Хромой едва успел клинком отбить тяжелую стрелу из охотничьего самострела. Увидев, что промахнулся, стрелок с досадой взвыл и, достав из-под длиннополого халата кинжал, бросился в атаку.

– Беру его, – крикнул Стас, и напарник, отпрыгнув в сторону, кинулся за убегающими.

У того, что пониже, движения были четче, экономнее, чем у второго. Видимо, он и есть стрелок. Но опасны оба.

Услышав, что их догоняет всего один человек, они развернулись и быстрым шагом двинулись к ведуну, доставая длинные, с узкими, чуть изогнутыми лезвиями ножи.

Иван остановился и притоптал ногой снег. Главное сейчас – не поскользнуться.

«А ножички-то какие!» – переводил он взгляд с одного противника на другого. Что там Стас возится?..

А Стас хрипел и отбивался. Он успел встать в боевую стойку и уже готовился уйти в сторону, пропустить противника мимо себя и длинно рубануть его по голове, когда на спину ему упало что-то холодное и шипящее. Непонятный враг вцепился в горло ледяными руками и тянул, тянул голову назад, шипя на одной ноте.

Стас только и успел, что изо всех сил пнуть противника спереди. Удачно попал в колено. Хруст, короткий вскрик, и человек с ножом припал на одну ногу.

Оттолкнувшись, Стас с размаху врезался в стену, шипение оборвалось, и он сумел, перевернув клинок, ударить им назад и вверх, надеясь, что не пропорет так сам себя.

Клинок скрежетнул по чужим ребрам, и хватка ослабла.

Стас ударил еще раз, противник отцепился и упал. Кто пытался его не то загрызть, не то задушить, выяснять времени не было, поскольку тот, в халате, уже поднимался и кинжал держал твердо. Встать в полный рост Хромой ему не дал – длинным выпадом вогнал клинок в горло, дернул назад и рванул к выходу, не обращая внимания на падающее тело.

На Ивана наступали двое – осторожно и умело обходя его с двух сторон, раздвигая внимание. Им явно хотелось побыстрее закончить и исчезнуть в сумерках. Проклиная некстати одревеневшую ногу, Хромой соскочил с занесенных снегом ступеней и встал рядом с другом.

Расклад был хреновый – двое умелых бойцов впереди и неизвестно, сколько уже несется к выходу. Сомнут толпой, затянут обратно, никто и не найдет.

Сухо щелкнул выстрел, и снег перед ногами наступающих абреков взлетел веселым фонтанчиком.

– Стоять на месте, полиция! Руки за голову! – сначала показалось, что в проулок ввалилась целая толпа. Но нет, их было всего пятеро, хотя и этого хватало, чтобы полностью заполнить пространство между покосившимися хибарами.

Беглец повыше длинно, со свистом втянул воздух и, выкрикивая непонятное, но явно непотребное, пошел на полицейских, вытянув руку с ножом.

Стас смотрел на полицейских, приближавшихся осторожно, мелкими шажками. Двое в гражданском, явно опытные, револьверы держат расслабленно, но стволы смотрят точно в цель, а вот остальные трое, городские в необмятых форменных шинелях, дышат тяжело и полны рвения.

Один из людей в штатском скучливо проговорил:

– Брось ножик, дурак.

И почти сразу, слегка пожав плечами, чуть опустил ствол и выстрелил. Абрека словно дернули за ногу, он упал на снег и тихо заскулил, пытаясь дотянуться до колена. Колена, правда, больше не было.

Второй послушно поднял руки и сцепил их за головой.

Только теперь полицейские обратили внимание на Ивана и Стаса, которые стояли неподвижно и слушали тяжелое молчание, которое волнами накатывало из Хасанова жилища.

– Добрый вечер, господа, – один из агентов в штатском прикоснулся пальцами к опушке меховой шапки. – Давайте все вместе проедем с нами и побеседуем в тепле.

Глава 4

Шаги стужи

Варенька Груднева, заламывая руки, ходила по комнате.

Заламывала не картинно, не красиво застывая, не играя лицом, как на сцене, нет. Ломала руки нервно, зло, стараясь задавить наползающий ужас.

Перед глазами снова и снова вставала та кошмарная сцена – метель, хруст снега под ногами, желтый свет фонарей, раскатыстый сытый Борин басок, и вдруг!.. Он дергается, нелепо кхекает, медленно валится лицом в снег, цепляясь за ее шубку, а прямо под подбородком у него торчит что-то черное и очень страшное.

Из снежной пелены выныривают сани, кто-то ловкий и легкий на ходу запрыгивает в них и исчезает в снежной заверти.

Но они же обещали, что просто попугают Борюсика! Она же не знала!

«Все ты прекрасно знала», – сказал в голове холодный спокойный голос, поселившийся там еще в юности, когда Варенька поняла, что единственный ее капитал – милое личико, стройная фигурка и нежные невинные глаза. Этот невинный взгляд особенно нравился состоятельным стареющим мужчинам, солидным господам на излете деятельных лет, отчаянно пытающимся вернуться в лихие дни молодости. Варенька была готова им в этом помочь, ведь судорожная лихость сопровождалась щедростью.

Боренька же был не только при деньгах, но и достаточно мил, не слишком стар и даже холост. Все это делало его крайне, крайне привлекательным, и Варя даже начала осторожно строить далеко идущие планы... И вот! Какая досада!

Девушка закусила пухлую губку и ударила угловатым кулачком в раскрытую ладонь.

Вдруг показалось, что в комнате потемнело, и она зябко передернула плечами. С того времени, как равнодушные серые полицейские в мерзко пахнущих сырой псиной шинелях, допросив, отпустили ее, Варя металась по комнатам уютной квартирки, которую предусмотрительный Борюсик купил для нее через знакомого адвоката. О квартирке мало кто знал, и именно сюда Варя бросилась после допроса. Отвечать на многочисленные вопросы журналистов, знакомых, которые будут жадно заглядывать в глаза, вымученно улыбаться, слушать фальшивые слова сочувствия злорадствующих подруг – не сейчас.

Сейчас надо собраться с мыслями.

«Надо уехать», – вдруг посетила ее очень ясная и простая мысль. Прочь из Москвы.

Она больше не нужна тем, кто убил Борюсика.

Боже, какая она была дура, когда согласилась раздавить тот крохотный черный шарик, чуть больше икринки, после ужина, когда они с Боренькой пошли к выходу! Но она же и правда думала, что его всего лишь напугают!

Бедный Боренька, он всегда любил женщин! Потому она и решила, что это всего лишь злая шутка какого-нибудь рога носца, чья жена решила развлечься с обаятельным депутатом Думы! Варенька была не прочь поучаствовать в такой шутке – ее тоже злило, когда от Бореньки пахло чужими духами.

Варя решительно подошла к комоду, открыла ящик и застыла. Бросать все... Боже, как же не хочется!

Морщась, метнулась в прихожую, рванула из шкафа дорожный саквояж хорошей кожи. И его тоже подарил Боренька! Как теперь быть? Он был щедр, но жизнь в Москве обязывала, и накоплений сделать не удалось. Кое-что, конечно, есть, но долго на такие деньги не протянешь.

Впрочем... и в провинции есть состоятельные господа, а она еще достаточно молода.

Сборы несколько успокоили расстроенные нервы. Закрывая за собой дверь, Варя заперла ее на оба замка, ключи сунула в карман. Она еще вернется.

Обязательно вернется, и тогда квартира пригодится.

Легко сбежала на пролет вниз, мыслями пребывая уже не в полутемном подъезде, уже строя планы, прикидывая, как наладить новую жизнь, и вдруг задохнулась от резкой ледящей боли.

Хотела закричать, но сильная жесткая рука зажала ей рот. Варя резко втянула воздух, уже уплывая куда-то, уже слабея...

«Какой стильный одеколон, а Борюсик всегда душился сладкой французской гадостью», – гулко забилась в меркнувшем сознании нелепая мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.